

Русский орнитологический журнал
The Russian Journal of Ornithology

Издаётся с 1992 года

Том XI

Экспресс-выпуск • Express-issue

2002 № 185

СОДЕРЖАНИЕ

- 431-452** Заметки о кавказских птицах.
П.П.СУШКИН
- 453-456** Материалы по питанию птиц острова Итуруп
(Курильские острова). В.А.НЕЧАЕВ
- 457-463** Дисперсия особей и контакт поколений как фактор
и движущая сила эволюции высших позвоночных
(на примере птиц). А.С.МАЛЬЧЕВСКИЙ
- 463-465** Новый случай размножения горихвостки-чернушки
Phoenicurus ochruros в Псковской области.
С.А.ФЕТИСОВ
- 465-466** Шилоклювка *Recurvirostra avosetta* — новый
гнездящийся вид в Калининградской области.
Г.В.ГРИШАНОВ, Д.Г.ГРИШАНОВ,
И.Н.ЛЫСАНСКИЙ, И.Ч.НИГМАТУЛЛИН
- 467** Зяблик *Fringilla coelebs* поедает цветки
клёна остролистного *Acer platanoides*.
А.Л.РИЖИНАШВИЛИ
-
-

Редактор и издатель А.В.Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

The Russian Journal of Ornithology

Published from 1992

Volume XI
Express-issue

2002 № 185

CONTENTS

431-452 Notes on Caucasian birds. P.P.SUSHKIN

453-456 Data on diets of some birds on Iturup (Kurile Islands).
V.A.NECHAEV

457-463 Dispersal and generation contacts as a factor
and driving forces of evolution of higher vertebrates
(with birds as example). A.S.MALCHEVSKY

463-465 New record of the black redstart *Phoenicurus ochruros*
nesting in Pskov Region. S.A.FETISOV

465-466 The pied avocet *Recurvirostra avosetta* —
a new breeding bird of Kaliningrad Region.
G.V.GRISHANOV, D.G.GRISHANOV,
I.N.LYSANSKY, I.Ch.NIGMATULLIN

467 Chaffinch *Fringilla coelebs* feeds on maple *Acer*
platanoides blossom. A.L.RIZHINASHVILI

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
S.Petersburg University
S.Petersburg 199034 Russia

Заметки о кавказских птицах

П.П.Сушкин

Второе издание. Первая публикация в 1914*

Поездка по Кавказу, совершённая мною летом 1913 года с туристическими целями, дала мне возможность несколько ознакомиться на месте с птичьим населением Кавказа и собрать, частью лично, частью путём покупки у препараторов, около 200 шкурок. Я считаю не лишним опубликование этих заметок, так как наши сведения о птицах Кавказа, хотя и значительно возросшие за последнее время, всё ещё весьма далеки от желательной полноты, а при выяснении деталей распространения даже отрывочные заметки, в особенности подтверждаемые коллекционным материалом, приносят пользу. Некоторые биологические наблюдения, сделанные мною, представляют и интерес новизны. Должен подчеркнуть, что эти заметки представляют собою только выписки из моего дневника, приведённые в удобочитаемую форму и отнюдь не претендуют на значение списков фауны. В связи с этим я почти совершенно не касаюсь наблюдений, сделанных другими.

1. Западное Закавказье†

Маршрут: Сочи и ближайшие окрестности, 25-26 июня; Сочи—Адлер, 27 июня; Адлер—Красная Поляна, 28 июня; Красная Поляна и окрестности, 29 июня-14 июля; Красная Поляна—Адлер, 15 июля.

Phalacrocorax carbo L. Одиночный взрослый экземпляр замечен на лету у Красной Поляны 5 июля, после сильного шторма на море.

Ciconia nigra (L.). Одиночный экземпляр замечен по р. Мzymта, выше Красной Поляны в 7 верстах, 9 июля.

Ardea cinerea L. Одиночная, 25 июня, над берегом моря у Сочи.

Hypotriorchis subbuteo (L.). Встречен на горе Аибго, у Красной Поляны, близ верхней границы леса.

Buteo buteo menetriesi Bogd. Нередок по дороге от Адлера до Красной Поляны; реже у самой Красной Поляны; наблюдался и над альпийскими лугами. 28 июня замечен летавший выводок.

Aquila sp.? (? *pomarina* Brhm.). По-видимому этот орёл замечен несколько раз у Красной Поляны; вероятно, гнездится здесь, так как я встречал его летающим по одному и тому же направлению.

Aegialitis dubia (Scop.) и *Tringoides hypoleucus* (L.). Встречены в Сочи, на галечных отмелях у устья реки.

* Сушкин П.П. 1914. Заметки о кавказских птицах // Орнитол. вестн. 5, 1: 3-43.

† По К.А.Сатунину ("О зоогеографических округах Кавказского края". Известия Кавказского музея, т. VII, вып. 1, 1912 г.).

Dryocopus martius (L.). Редок. Летевшую пару видел 28 июня на полудороге от Адлера к Красной Поляне, в лиственном лесу.

Dryobates major pinetorum (Brehm). Обыкновенен у Красной Поляны; идёт и в хвойную зону, и до предела лесной растительности. С конца июня уже встречались вылетевшие и совершенно выросшие молодые; большей частью они держались ещё выводками.

Dryobates medius caucasicus (Bianchi). Несколько раз наблюдался у Сочи и Красной Поляны. Видимо, не идёт в хвойную зону. 2 июля у Красной Поляны добыт вполне выросший молодой. (Я не имею материала, чтобы высказаться относительно самостоятельности подвида *colchicus* Buturl.).

Dryobates minor colchicus (Buturl.). Довольно редок. Встречен в сыром лесу по Мзымте, близ Красной Поляны. 1 июля добыт птенец вполне выросший.

Garrulus glandarius krynickii Kalenicz. Нередка у Красной Поляны, преимущественно у границы лиственной и хвойной зоны. В начале июля держалась выводками. Птенец, добытый 4 июля, едва начинает линять в осеннее перо.

Coccothraustes coccothraustes nigricans Buturl. Обыкновенен, даже многочислен у Красной Поляны. В первой половине июля молодые вылетели и частью начали линьку в осенний наряд; выводки уже разбились и дубоноссы держались стайками, кормясь на диких черешнях. Выше зоны, где растёт дикая черешня, не встречен.

Chloris chloris chloris (L.). Зеленушка нередка у Красной Поляны и по дороге к Адлеру. В первой половине июля встречались парочки и выводки. Взрослый самец, добытый 9 июля, начинает линять, но и старое оперение обношено замечательно мало.

Я не нахожу никаких отличий здешней зеленушки от среднерусской.

Cannabina cannabina (L.) [subsp.?]. Коноплянка один раз встречена, но, к сожалению, не добыта, у Красной Поляны.

Pyrrhula pyrrhula rossikowi Derjug. et Bianchi. Найден у Красной Поляны, где нормально держался только в зоне хвойного леса. Молодая птица, добытая 6 июля, одета в полное гнездовое перо.

Carpodacus erythrina (Pall.) [subsp.?]. Нередко у Красной Поляны.

Fringilla coelebs solomkoi Menzb. et Suschk.* Очень обыкновенен по дороге от Адлера к Красной Поляне и в окрестностях последней. Вверх идёт приблизительно до половины хвойной зоны. В начале июля молодые вылетели; в это же время только что начинается линька их в осеннее перо; старики ещё не линяют.

Этот подвид зяблика отличается от типичного крупным клювом (по 6 взрослым самцам: ребро надклювья 13.5-15, от ноздри до вершины клюва 10.2-11, наибольшая высота клюв 8.5-9, наибольшая ширина у границы оперения 7-7.5, ребро подклювья 10-11 мм; у 6 взрослых самцов *coelebs*: ребро надклювья 12-14, от ноздри до вершины клюва 9-10, редко 11, высота 6.5-7.5, ширина 6-6.5, ребро подклювья 8.5-10.5 мм); у взрослого самца каштановые кончики перьев спины и зелёные кончики перьев пояс-

* "Ornithologische Monatsberichte", 1913.

ницы короче, чем у *coelebs*, так что серое основание занимает больше места и просвечивает. Гнездовая область этого подвида обнимает леса Крымского полуострова и западного Кавказа [Сочинский округ, Кубанская область, Бермамыт (северная сторона группы Эльбруса)]. Зимою, но только зимою, в эту же область попадает и типичный зяблик. Восточная граница распространения на Кавказе не выяснена. Из-под Ленкорани я видел только зимних, и это были типичные *coelebs*. В северной Персии (Мазандеран, Лареджан) гнездится зяблик, и по окраске пера, и по величине клюва тождественный с типичным, но крыло у немногих, виденных мною, коротко: 81-81.5 мм (вместо 86-90 мм у *coelebs* из средней России).

***Passer domesticus* (L.)** [subsp.?]. Часто встречается у Сочи, Адлера, по дороге в Красную Поляну, и у Красной Поляны, но исключительно у жилья. В самом посёлке Красная Поляна я несколько раз видел воробья с чёрной окраской зоба, занимающей большее протяжение, чем обычно; однако граница чёрного пятна была характерно резкой, не как у *P. hispaniolensis*.

Примечание. *Passer montanus* (L.) во всей указанной местности не был встречен ни разу; я на месте обратил на это внимание и присматривался к воробьям.

***Emberiza citrinella erythrogenys* Brhm.** Не часто. Встречена у Красной Поляны и затем на горе Аибго, над Красной Поляной, уже в субальпийской зоне.

***Emberiza cia* L.** [subsp.?]. Встречена у Сочи, по дороге к Красной Поляне, и у Красной Поляны. Довольно часто.

Вопрос о наименовании кавказской *E. cia* и тождественной с нею крымской для меня совершенно неясен. По Э.Хартерту (“Die Vögel der palaearktischen Fauna”), это должна быть *par* Hart., распространённая от Кавказа по Белючистан и Туркестан. Имевшиеся у меня экземпляры [6 из Крыма и 6 с Кавказа (Сочинский округ; Мцхет близ Тифлиса; Аарат)] не представляют отличий в окраске средних кроющих от экземпляров с Тарбагатая, но при этом крымские и кавказские темнее сверху — темнее фон и шире отметины; разница не велика, но ясно видна и в обношенном, и в свежем наряде.

***Anthus spinolella blakistoni* Swinh.** Обыкновенен на альпийских лугах горы Аибго, у Красной Поляны. У добытого взрослого самца крыло 86 мм.

***Sitta europaea caucasica* Rchw.** Обыкновенен в окрестностях Красной Поляны. Вверх идёт приблизительно до половины высоты хвойной зоны, далеко не доходя до пределов леса. В начале июля встречались по преимуществу уже начавшие разбиваться выводки. Добытые 3 молодые птицы — в разных стадиях линьки из гнездового пера; по-видимому, иногда гнездовое перо успевает сильно обноситься, а затем наступает очень энергичная линька.

***Sitta kruperi* Pelz.** Найден у Красной Поляны на горе Аибго, только в верхней половине хвойной зоны, частью у самой границы леса — следовательно в области, куда *S. europaea caucasica* не поднимается. 4 июля я встретил здесь, вероятно, не менее 3 выводков. Насколько я мог заметить, выводки их ещё подвижнее, чем у обыкновенного поползня, охотнее вы-

бираются на отдельно стоящие, даже сухостойные и совершенно голые, деревья, и молчаливее. Поэтому их труднее отыскать в лесу, легче увидеть, наткнувшись случайно, и труднее добыть — особенно из-за трудной ходьбы по каменистой почве, сильно заваленной и заросшей. Добытый птенец в полном совершенно свежем гнездовом наряде, с едва начавшуюся линькой зоба. Вопреки описанию Э.Хартерта (“Die Vögel der paläarktischen Fauna”), чёрная окраска темени видна (по крайней мере у самца) и в гнездовом наряде, но назади эта окраска постепенно переходит в серую.

Parus major L. Часто у Сочи и Красной Поляны. В конце июня и начале июля держится выводками.

Parus phaeonotus michalowskii Bogd. Обыкновенна у Красной Поляны, где встречается как внизу, в зоне каштана и дикой черешни, так как и в пихтовой зоне, и притом одинаково часто. В начале июля я встречал и выводки, и одиночных молодых в довольно сильной линьке, и поющих самцов, вероятно подготовляющих вторую кладку. Песня этой синички напоминает нашу московку, но определённо лучше: громче и звучнее.

За последнее время прививается обычай обозначать всех чёрных синичек как подвиды *ater*. Между тем существуют определённо две группы форм — близкие к типичной *ater*, и затем юго-восточные чёрные синички: крымская *motschanowi*, кавказская *michalowskii* и персидская *phaeonotus*, сходные между собою и отличающиеся от *ater* и близких к ней крупным ростом и большим клювом. Я считаю правильнее обозначать названных синиц как подвиды *phaeonotus**.

Cyanistes caeruleus (L.) [subsp.?]. Нередка у Красной Поляны, но не заходит в хвойную зону. В начале июля выводки. Добытая молодая птица не даёт возможности судить о подвиде.

Regulus regulus regulus (L.). Найден у Красной Поляны на горе Аибго, по верхней границе хвойной зоны. 4 июля здесь встречены выводки, частью уже сбившиеся в стайки. Добытая молодая птица одета в полное гнездовое перо.

Lanius collurio L. et m. *kobylini* Buturl. Красноспинный сорокопут очень обыкновенен у Сочи, менее часто встречается около Красной Поляны и по дороге к ней. Около начала июля птенцы вылетели, выводки частью разбились. Относительно значения формы *kobylini* я вполне согласен с мнением, которое впервые высказал в печати В.Б.Баньковский†, что это *thagpha*, т.е. личное изменение, повторяющееся и в других местах, лишь более частое на Кавказе. У Э.Хартерта также есть указание, что *kobylini* кое-где встречается с типичной формой. Из трёх взрослых самцов, добытых мною у Красной Поляны, один — с широкой и яркой каштановою зоной спины (ширина около 35 мм), у другого — каштановая зона очень узкая, около 15 мм, но столь же яркая, у третьего — каштановая зона несколько шире (около 20 мм), но очень тусклая и с сероватой примесью, так что только этот экземпляр мог бы быть сочтён за “типичного” *kobylini*.

* Сюда же, вероятно, относится и *derjugini* Zarudn. et Loud., известная мне только по описаниям.

† “К орнитофауне Закавказья” (Известия Кавказского музея, т. VII).

Muscicapa striata striata (Pall.). Очень обыкновенна у Сочи и Красной Поляны.

Sipha parva (Bechst.) [= *colchica* Dombr.]. Гнездится у Сочи в береговой полосе, нередка по дороге к Красной Поляне, и очень обыкновенна у Красной Поляны. В начале июля большинство уже вывело птенцов, но изредка попадались поющие самцы.

Добытые мною 5 старых самцов (вполне развитое рыжее пятно зоба) не могут быть наверняка отличены от птиц, имеющихся у меня из Тульской и Воронежской губерний (свыше 10), также от московских и петербургских; как окраска брюха, то более чистая, то с охристой примесью, так и окраска боков, то более серо-буроватая, то оранжеватая, сильно варьируют, а у птиц в поношенном пере (таковы типы *colchica*) это зависит частично и от степени обнощенности. Размеры клюва у закавказских в среднем больше, чем у среднерусских, но и у тех, и у других заметны вариации и значительная часть закавказских и русских экземпляров не наверняка отличимы и по этому признаку. Мне кажется поэтому, что отметить только что указанную особенность следует, но подвид на основании её не может быть установлен.

Hedymela semitorquata (Homeyer). Редка. Выводок, уже разбившийся, найден верстах в 5-ти от Красной Поляны вверх по Мзымте. 1 июля добыта молодая птица, почти совсем перелинявшая в осеннее перо.

Phylloscopus nitidus nitidus Blyth. Поясковая пеночка обыкновенна от берега моря у Сочи и до окрестностей Красной Поляны. Вертикальный предел не установлен. В конце июня и начале июля попадается уже много вылетевших молодых с ещё слегка не доросшими крыльями, но нередко приходится слышать и песенку; впрочем, как кажется, эта пеночка иногда поёт и при выводке*.

Merula merula aterrima Madar. Чёрный дрозд обыкновенен от Сочи и до окрестностей Красной Поляны. У старого самца, добытого 9 июля, линька ещё не начиналась.

Merula torquata orientalis Seeb. Только один раз замечен у Красной Поляны на горе Аибго, в зоне альпийских кустарников.

Turdus philomelos Brhm. Часто у Сочи, может быть, несколько реже у Красной Поляны. В конце июня в Сочи ещё поёт по утрам.

Turdus viscivorus viscivorus L. В небольшом количестве гнездится у Красной Поляны.

Phoenicurus phoenicurus mesoleuca (Hempr. et Ehrb.). Гнездится у Красной Поляны; идёт вверх приблизительно до хвойной зоны. В начале июля молодые вылетели и, как и старики, начали линять.

Я не могу определённо принять мнение К.А.Сатунина ("Систематический каталог птиц Кавказского края", стр. 75), что *Ph. phoenicurus* и *mesoleuca* будут виды: слишком велико количество особей, неопределимых наверняка, даже среди взрослых самцов. В связи с этим мне кажется нуждающимся в пересмотре вопрос о гнездовании типичной *phoenicurus*

* Крапивник и *Cettia cetti* нормально поют при выводке, хотя не столь усердно, как весною; здесь, очевидно, песня не есть выражение только половой эмоции.

по всему Кавказу (К.А.Сатунин, л.с.). Нередко и у самцов беловатые наружные опахала маховых едва намечены, так что наличие их представляется сомнительной. Желательно было бы проверить постоянство двух других признаков: у самцов *mesoleuca*, виденных мною, резко выражены чёрные центры перьев на исподе кисти (у *phoenicurus* бледны или отсутствуют); серый цвет спины и верха крыла со слабой, но заметной черноватой примесью. Я видел эти особенности и у экземпляров со слабо выраженными белыми каймами крыла.

Erithacus rubecula caucasicus Buturl. Гнездится у Красной Поляны, чаще по нижней границе хвойной зоны. В начале июля молодые частью вполне выросли и отбились от старииков, но ещё одеты в гнездовое перо. Линька стариков ещё не началась.

Troglodytes troglodytes hyrcanus Zarudn. et Loud. Нередок между Адлером и Красной Поляной, вверх до половины хвойной зоны. В начале июля держится преимущественно выводками; молодые одеты в гнездовое перо.

Hirundo urbica L. Обыкновенна в посёлке Красная Поляна.

Chelidon rustica (L.). Также гнездится, но реже предыдущей.

2. Экскурсия на Арагат

(По К.А.Сатунину: Южное Закавказье и прилежащая часть Восточного)

Маршрут: станция Камарлю Закавказской ж.д.—пост Аралых, 31 июля-1 августа; пост Аралых—пост Сергиевский (Ахури), 2 августа; окрестности поста Сергиевского (ущелье Ахури), 3 августа; пост Сергиевский—пост Сардар-булак, 4 августа; пост Сардар-булак, седловина между Большим и Малым Арагатом, северный склон Малого Арагата, западный склон Большого Арагата, 5-11 августа; пост Сардар-булак—пост Такельту—пост Аралых, 11 августа [описание местности — между прочим у К.А.Сатунина, ("Орнитологический вестник", 1911 г.)].

Ciconia ciconia (L.). Очень обыкновенен по разливам, болотам и арыкам у Эчмиадзина, между Эриванью и Камарлю и у Аралыха. Татары считают аиста священной птицей и поэтому он в описываемой местности едва ли не более ручной, чем в Малороссии.

Ardea cinerea L. Обыкновенна по арыкам у Аралыха. В конце июля молодые держались уже порознь.

Nycticorax nycticorax (L.). Весьма обыкновенна на низменности. В большом количестве держится в древесных посадках у Аралыха. В конце июля встречалась стайками, иногда особей по 30, которые усаживались на дневной отдых в более тихих пунктах аралыхского парка. Добытая молодая птица одета в гнездовой наряд, уже слегка обносившийся. Единовременно добыта птица, линяющая в первый взрослый наряд; новое оперение почти сплошь покрывает темя, верхнюю часть спины, плечи, преобладает в средних кроющих крыла и на низу тела; сменилась часть рулей и махов; мелкие кроющие крыла сплошь принадлежат к гнездовому наряду.

Ardeola ralloides (Scop.). Обыкновенна по обросшим камышами протокам и разливам у Аралыха и Эчмиадзина. В конце июля и начале августа встречается небольшими стайками, вероятно выводками, реже поодиночке. В жаркие часы дня этой цапли не видно, но утром, часов до 8, и вечером,

часов с 6, она часто попадается на глаза и даже из окон вагона нередко приходится видеть стайки этих цапель, перелетающие своеобразно красивым полётом. Длится ли оживление всю ночь, я не знаю, но перелетающие стайки попадались и в очень поздние сумерки, когда почти уже нельзя стрелять. Утром иногда приходится видеть стайки, усевшиеся на отдых на голых деревьях среди камышей, или на наклонённых стеблях камышина краю заросли. Бросается в глаза, как мало прячется эта цапля, при столь заметной издали окраске.

У взрослой самки, добытой в конце июля, только что началась линька мелкого пера на голове, горле и спине. Из двух добытых молодых (вывода этого года) у одного перья уже несколько обносились.

Tinunculus tinunculus tinunculus (L.). Нередка у Аралыха; встречена также на Аракате, где поднимается несколько выше Сардар-булакского поста.

Tinunculus naumannii naumannii (Fleisch.). У Аралыха и на пути между Камарлю и Эриванью.

Pandion haliaetus (L.). Одиночная скопа замечена 31 июля у Аралыха.

Milvus ater rufiventris Buturl. Одиночные экземпляры изредка наблюдались у Аралыха и Сардар-булака.

Aquila chrysaetus fulva Temm. Нередок на Аракате и на усеянной вулканическими камнями покати у его подножия, но, по крайней мере в указанное время года, не встречается на плоскости, ближе к Араксу. На Аракате я наблюдал беркут почти ежедневно, иногда по несколько раз в день. Большей частью приходилось видеть, как орёл, в поисках за добычей, методически обыскивает гребень или склон горы, летя низко над землёй, наподобие того, как охотятся луны. Раз, у поста Сергиевского, мне пришлось наблюдать чрезвычайно интересную сценку. Около 4 часов вечера, когда жара начала спадать, я заметил двух молодых беркутов, кружившихся высоко над склоном горы. Один летал обычным для беркута полётом — немного приподняв крылья*, — другой почти всё время кружился, круто подняв крылья кверху и сильно вытянув ноги вниз†. Вот оба орла сблизились, первый оказался внизу, перевернулся, несколько движений, неуловимых по быстроте — и оба орла, сцепившись вытянутыми лапами и распластав крылья, нижний спиною книзу, начинают быстро падать, крутясь волчком около вертикальной оси. Несколько десятков саженей пролетели беркута, расцепились и долго опять кружились вместе. Потом один из них, сложив крылья, стремительно бросился вниз за добычей и скрылся за склоном горы; через минуту, менее спешно, по тому же направлению исчез и другой. Несомненно, что эта редко наблюдаемая и удивительно красивая сцена была именно игрой, а не схваткой в воздухе.

Встречались в начале августа и молодые этого года, и старики с тёмным хвостом, и линяющие, видимо не гнездившиеся.

* Что отличает беркута от других известных мне орлов: те, кружась, ставят крылья горизонтально.

† Эта поза наблюдалась и раньше; напоминает её, но менее необычна, изображённая на рисунке Лоджа, в книге профессора М.А.Мензбира “Птицы” (изд. Брокгауза).

Gypaetus barbatus (L.). Видимо, гнездится на Аарате. На экскурсиях от Сардар-булака я наблюдал ягнятника 5, 8 и 10 августа. Все три раза наблюдались вместе старая, очень крупная и красивая, птица и молодой, тёмный, видимо этого года. Неизменно ягнятники показывались со стороны обрыва на северной стороне Большого Аарате, летя высоко; ближе к посту Сардар-булак они несколько спускались и затем отправлялись обшаривать северный склон Малого Аарате.

Neophron percnopterus (L.). Несколько раз видел стервятников, кружившихся над курдскими кочевьями у Сардар-булака; наблюдались только взрослые, белые птицы.

Vultur monachus L. У Сардар-булака видел 7 августа один экземпляр, 8 августа — пару.

Gyps fulvus (L.). Замечено по одному экземпляру на Большом Аарате близ Сардар-булака, 9 и 10 августа.

Accipiter nisus (L.). Начиная с 8 августа показались и в небольшом количестве наблюдались ежедневно перепелятники, видимо пролётные. Я их встречал и в обстановке, совершенно не соответствующей летним повадкам этой птицы — над степью, на совершенно бесплодных осыпях и т.п. Интересно отметить, что начало их пролёта совпало с началом пролёта мелких пташек: в эти же числа показались у Сардар-булака, в совершенно неподходящей для летнего местопребывания обстановке, зяблик, малая мухоловка; наблюдались и пролётные жёлтые трясогузки.

Caccabis chukar Gray. Кеклик обыкновенен по склонам Аарате; верхняя граница распространения мне неизвестна, но во всяком случае кеклик ещё встречается на уровне седловины между Большим и Малым Ааратом; вниз кеклик спускается, следя за нагромождениями камней, почти до самой плоскости, над которой возвышается Аарат. В начале августа у старых птиц только начинается линька; птенцы весьма различного возраста, от едва достигших половины роста стариков и одетых ещё в серый наряд, и до почти выросших.

Perdix perdix (L.) [subsp.?]. Небольшой выводок серых куропаток встречен 6 августа на полянке берёзовой рощи у Сардар-булака. Сожалению, не удалось добыть ни одного экземпляра, что было бы интересно для выяснения подвида.

Gallinago gallinago (L.). Несколько раз встречен 31 июля и 1 августа по арыкам у Аралыха.

Tringoides hypoleucus (L.) и ***Helodromas ochropus*** (L.). Замечены поодиночке между Камарлю и Аралыхом и у Аралыха.

Pterocles arenarius L. Нередок на пустынной плоскости между Аралыхом и подножием Аарате.

Bubo bubo (L.) [subsp.?]. Перья филина найдены между Сергиевским и Сардар-булаком.

Coracias garrula L. [subsp.?]. Очень обыкновенна у Аралыха.

Alcedo isspida (L.) [subsp.?]. Попадались по арыкам у Аралыха.

Merops apiaster L. Обыкновенна у Аралыха и по возделываемым местам у Камарлю и между Камарлю и Эриванью. У Сардар-булака сначала ежедневно часто появлялась стаями, прилетавшими со стороны долины Арак-

са, но, курьёзным образом, позднее 7 августа эти прилёты не наблюдались, хотя по Араксу и позднее щурок было много.

Dryobates major L. [subsp.?]. Замечен в парке Аралыха.

Apus apus (L.). Наблюдался несколько раз высоко в воздухе над Сардар-булаком.

Pyrrhocorax pyrrhocorax (L.). 10 августа наблюдал стайку, кружившуюся над Сардар-булаком.

Pica pica (L.). Нередка у Сардар-булака; держится в берёзовых рощах и по зарослям можжевельника.

Sturnus vulgaris L. [subsp.?]. Нередок у Аралыха.

Carduelis carduelis (L.) [subsp.?]. Нередок в парке Аралыхского поста.

Cannabina cannabina (L.) [subsp.?]. Несколько раз встречена у Сардар-булакского поста, по мусорным кучам.

Oraeginthus pusillus (Pall.). Нередок у Сардар-булака. Вверх идёт по крайней мере на 800 футов выше поста; в более низких местах не встречен. В начале августа птенчики уже выросли, отбились от стариков, но ещё одеты в свой скромный гнездовой наряд. У стариков в это время начинается линька — с кроющих крыла и задних махов. Выводки уже разбились; встречаются одиночные старики, пары их и стайки молодых без стариков. Держится королевская чечётка поодаль от жилья по осипям, чаще даже по голым, чем по поросшим можжевельником, и лишь изредка и случайно попадается у берёзовых рощиц. Чаще же всего эта красивая птичка держится здесь у жилья человека — по мусорным кучам у курдских стойбищ и у поста, и в самом посту по кучам хвороста, заменяя отчасти воробьёв, которых здесь мало. У жилья эта птичка доверчива до чрезвычайности; вероятно, она очень пригодна для содержания в клетке. Позывка королевской чечётки — какое-то неопределённое, очень тихое щебетанье, несколько сходное с позывкой обыкновенной чечётки.

Carpodacus erythrina (Pall.) [subsp.?]. Одиночные молодые птицы встречены в можжевельниках у Сардар-булакского поста только 9 и 10 августа. Ранее определённо не попадался. По-видимому, это пролётные экземпляры, а местные, которых здесь наблюдал К.А.Сатунин ("Орнитологический вестник" за 1912 г., стр. 101), исчезают раньше.

Fringilla coelebs L. Одиночный зяблик, видимо пролётный, замечен 9 августа в можжевельниках по склону Большого Арапата у Сардар-булака.

Petronia petronia exiguus (Hellm.). Найден в ущелье св. Иакова; нередок. В начале августа держался выводками; у стариков в это время линька едва началась.

Passer domesticus (L.) [subsp.?]. Обыкновенен в посёлках и военных постах Аралых и Сергиевский. Несколько пар держатся и на Сардар-булакском посту.

Emberiza calandra L. Наблюдалась у Аралыха и Сардар-булака.

? *Emberiza citrinella erythrogenys* Brhm. Несколько овсянок, виденных в берёзовой роще у Сардар-булака, принадлежали, как мне казалось, к этому виду; добыты они не были, и я не вполне уверен в определении.

Emberiza hortulana L. Часто наблюдалась у поста Сергиевского и Сардар-булак. За неимением экземпляров я не могу высказаться о подвидовом значении здешней садовой овсянки.

Emberiza buchanani Blyth. [subsp.?]. Не часто наблюдалась у Сардар-булака. К сожалению, мною добыты только две самки — одна чрезвычайно обнощенная, едва начавшая линьку взрослая, другая молодая, ещё с большим количеством гнездового пера. Но и этот скучный материал показывает отличия, по которым вероятно придётся, на основании более обильного и лучшего материала, выделить южно-закавказскую *E. buchanani* в особый подвид. От мугоджарской *E. buchanani*, которую вероятно надо приравнивать к типичной, как и от семиреченско-тарбагатайской *obscura* Zarudn., ааратская взрослая самка, даже при сильно обношенном оперении имеющегося экземпляра, отличается сильным коричнево-рыжеватым тоном поясницы и задней части межлопаточной области (у *buchanani* эти части се-ре, у *obscura* — темнее, чем у *buchanani* и бурее, но не ярче); наствольные чёрные полосы на всей межлопаточной области интенсивны, резки и широки; плечевые также с широкими, до $1\frac{1}{2}$ мм, наствольными полосами, особенно на наружном ряде; окраска их рыже-буроватая, распространяющаяся на всю группу, нерезко отличающаяся от окраски межлопаточной области (у самок *buchanani* наружный ряд плечевых, в особенности по наружному опахалу, окрашен рыже-коричневатым и резко отделяется от окраски спины и поясницы; у самок *obscura* эта окраска бурее и приурочена только к наружному опахалу перьев; наствольные полосы у обоих узки и нерезки). В осеннем наряде также бросается в глаза сильный красноватый тон межлопаточной области и поясницы, и неяркая окраска плечевых с рыже-коричневым тоном, просвечивающим по всей группе. Размеры не показывают отличий.

Emberiza cia L. [subsp.?]. Нередка у Сардар-булака. О подвидовом значении кавказско-крымской *E. cia* см. в отделе “Западное Закавказье”.

Calandrella brachydactyla artemisiana Bańkowski. Идёт от подножия Аараты до поста Сардар-булак, придерживаясь пунктов более степного характера, менее каменистых и с менее крутым рельефом. Добытый экземпляр — молодая птица, сменившая большую часть мелкого пера на осеннее.

Я отношу свой экземпляр к недавно описанному подвиду *artemisiana* (*terra typica* — окрестности Тифлиса). И сравнительно с птицами из Средней Киргизской степи в соответствующем наряде малый жаворонок с Аараты отличается более коричнево-буровой (менее рыжеватой) окраской верха, чисто-белой окраской груди, брюха и горла и — добавлю к оригинальному описанию — более чисто-белой бровью и вообще почти полным отсутствием солового налёта на боках головы. На рулях, уцелевших от гнездового наряда, светлые отметины почти без солового налёта, весьма заметного у *brachydactyla*, — как это указывается В.Б.Баньковским и для взрослого наряда. Клюв, и при молодом возрасте птицы, длинен: от ноздри до вершины надклювья 8.5 мм.

Таким образом, вероятно все малые жаворонки Закавказья окажутся принадлежащими к *artemisiana*.

Alauda arvensis armenica Bogd. Нередок по всему северному склону Арапата вверх до Сардар-булака. В начале августа молодые заканчивают линьку в осенний наряд.

Вопрос о подвидовой самостоятельности закавказских полевых жаворонков нуждается в проверке. Пока я [против мнения В.Л.Бианки ("Известия Академии наук", т. XXV)] предпочитаю не соединять закавказских жаворонков с подвидом *arvensis*, оставляя за ними название *armenica*. Мои экземпляры (3) в осеннем наряде не представляют характерных цветовых отличий. Длина крыла не определима, т.к. передние махи не доросли, но клюв — даже у молодых птиц — крупнее и плюсна длиннее (от ноздри до вершины надклювья 8.5-10, ребро подклювья 8-9, плюсна 25.5-26 мм; у *arvensis* из Европейской России и Сибири от ноздри до вершины надклювья чаще 7.5-8, лишь редко, вероятно у старых, до 10, ребро подклювья 7-8, плюсна 22.5-24 мм).

Otocorys penicillata Gould. Довольно обыкновенен по Арапату, вверх от поста Сергиевского, чаще — в более высоких местах, от Сардар-булака и выше.

Anthus campestris (L.). Наблюдался от пашен у подножия Арапата до поста Сардар-булак, не часто.

Anthus spinolella (*blakistoni* Swinh.?). Наблюдался на склонах Большого Арапата выше Сардар-булака. За неимением экземпляров, не представляется возможным установить, относится ли здешний альпийский конёк к подвиду *blakistoni*, как экземпляры с Кавказского хребта, или к *coutellii*, куда принадлежат, может быть, персидские коньки этого вида, или, наконец, к *spinolella*, куда Э.Хартерт склонен причислить малоазийских горных коньков.

Anthus trivialis (L.). Нередка в берёзовых рощах на склоне Малого Арапата у Сардар-булака; встречалась за всё время наблюдений (с 5 августа).

Calobates boarula (L.). Встречена в окрестностях Сардар-булака, но редка здесь в связи с бедностью Арапата водою.

Budytes melanocaphala (Licht.). Нередка у поста Сергиевского.

Budytes flava (L.) [subsp.?]. Несколько небольших пролётных стаек встречены у Сардар-булака 10 августа. Вполне определённо, это были седоголовые плиски, а не местные черноголовые.

? ***Sitta parva*** Buturl. Скалистый поползень только раз был встречен на склоне Арапата, в небольшом ущелье между Сардар-булаком и Такельту, 11 августа. Птица не была добыта, и я отношу своё наблюдение к этой форме, основываясь на сведениях К.А.Сатунина ("Орнитологический вестник" за 1912 г., стр. 103).

Parus major L. Выводки большой синицы наблюдались в парке поста Аралых и в берёзовых рощах у Сардар-булака.

Cyanistes caeruleus (L.) [subsp.?]. Лазоревка встречена в парке поста Аралых 31 июля.

Remiza pendulinus (L.) ?? *caspius* (Poelz.). Ремез нередок на гнездовые в Аралыхском парке, где я наблюдал его выводки.

Вопрос о подвидах ремеза, населяющих Закавказье, может считаться вполне решённым только для Каспийского побережья, откуда имеются

вполне определённые экземпляры *caspius*. Для остального Закавказья причисление тамошних ремезов к упомянутому подвиду гадательно по скучности материала. Экземпляры из-под Мцхета, бывшие у В.Б.Баньковского, чрезвычайно обношены, так что окраска головы едва определима лишь на одном из них; К.А.Сатунин в своей статье не указывает оснований, по которым он относит ремеза из Аралыха к *caspius*, но в личной беседе со мною он высказывал, что желательна дальнейшая разработка этого вопроса; мною добыта была только молодая птица; отмечу, что у взрослой, которая была мною убита, но не найдена, голова была светлая (беловатая). Следует иметь в виду, что для Малой Азии указывается типичный *pendulinus* L.

Lanius minor Gm. Чернолобый сорокопут в небольшом количестве встречен у Аралыха и Сергиевского, в искусственных насаждениях.

Lanius collurio L. В небольшом количестве держится в парке Аралыхского поста, отсутствует в зарослях *Calligonum* и снова появляется по склонам Араката, где есть кустарники.

Lanius senator niloticus (Bonap.). Найден на пустынной плоскости, покрытой кустами *Calligonum*, между Аралыхским постом и подножием Большого Араката. Здесь 2 августа я наблюдал два или три семейства этих сорокопутов. Выводки держались уже неплотно, лишь изредка молодые подлетали к старикам. У добытых двух птенцов только что начинает линять спина в осенне перо; взрослая самка сменила почти всё мелкое перо и махи, и часть рулей.

Muscicapa striata striata (Pall.). Довольно обыкновенна в берёзовой роще у Сардар-булака. Добытая взрослая птица (5 августа) ещё не закончила линьки.

Hedymela semitorquata (Homeyer.). По-видимому, гнездится в Аралыхском парке. Замечено несколько экземпляров 31 июля и 1 августа; добытая птица одета в полный осенний наряд.

Sipha parva (Bechst.). Одиночная птица вывода этого года, в полном осеннем пере, добыта 8 августа в можжевельниках по склону Большого Араката у Сардар-булака. Судя по характеру местности, птичка была уже на пролёте. По сравнительно крупному клюву, этот экземпляр вероятно закавказского происхождения.

Phylloscopus trochilus (L.). Пеночки-веснички показались у Сардар-булака с 10 августа; очевидно, не гнездятся здесь.

Phylloscopus nitidus nitidus Blyth. Нередка в окрестностях Сардар-булака, в берёзовых рощицах и по можжевеловым кустикам. В долине Аракса определённо не встречена мною.

Cettia cetti cetti (Marm.). У Аралыха, по обросшим камышом и деревьями протокам Кара-су, встречается довольно часто. 31 июля и 1 августа я наблюдал выводки этой птички. Держатся они в это время года не особенно скрытно, выбираясь и на опушку камышей, и на отдельно стоящие ивы. Добытая взрослая птица сильно обношена, но ещё не начала линять.

Acrocephalus arundinaceus arundinaceus (L.). Обыкновенна по камышовым зарослям у Аралыха. В конце июля ещё приходится слышать отдельные строфы характерной песни этой птицы.

Hippolais pallida pallida (Hempr. et Ehrb.). Довольно часто встречается в парке Аралыха. 31 июля держалась ещё большею частью выводками. Добытая молодая птица кончает линьку в осенне перо.

Sylvia communis icterops Menetr. Нередка по кустикам можжевельника у Сардар-булака. На плоскости не встречена. Молодая птица, добытая 7 августа, одета в полный осенний наряд.

Sylvia mystacea Menetr. Нередка в кустах *Calligonum* и *Tamarix* кругом Аралыха, но не идёт в горы. В конце июля держится частью выводками. Из добывших старых птиц одна в чрезвычайно обношенном оперении, другая почти кончает линьку в осенне перо. Своеобразная, очень осторожная птичка, которую лишь моментами удаётся ясно видеть. Тревожная позывка — своеобразное длительное трещанье, почти что трескучая трель, лишь очень отдалённо напоминает отрывистую позывку, например, *Sylvia communis* или *S. curruca*.

Agrobates galactotes familiaris (Menetr.). Встречена по зарослям тамарикаса между станцией Камарлю и Аралыхом, на более или менее заболоченной почве, и не идёт в заросли *Calligonum*, растущие по песку. Молодые, добывшие 31 июля, кончают линьку в осенне перо.

Turdus viscivorus viscivorus L. Нередок у Сардар-булака, в берёзовой роще по склону Малого Араката и в можжевельниках. 5 августа добыта из стайки (выводка) молодая птица, далеко не окончившая линьки в осенний наряд.

***Merula merula* (L.)** [? aterrima Mad.]. Одиночный экземпляр, вероятно не местный, встречен в можжевельниках у Сардар-булака 10 августа.

Merula torquata orientalis Seeb. Гнездится в можжевеловой зоне по склону Большого Араката, выше поста Сардар-булак. В ниже лежащих местах, как в берёзовых рощах, не встречен. Около 10 августа и старые, и молодые птицы кончают линьку.

***Monticola saxatilis* (L.)**. Нередок по склону Араката начиная от поста Сергиевского.

***Saxicola oenanthe oenanthe* (L.)**. Встречается как на плоскости, так и по Аракату, по крайней мере до высоты Сардар-булакского поста.

Э.Хартерт (“Die Vögel der paläarktischen Fauna”, S. 681) склонен причислить кавказских каменок к весьма плохо характеризованной форме *rostrata* Hempr. et Ehrb., характеризуемой крупным клювом и, в осеннем пере самца, очень светлыми каёмками кроющих и махов. У добывшего мною на Аракате старого самца каёмки на крыле очень светлы, но точно такой же экземпляр у меня имеется из Средней Киргизской степи (бассейн Иргиза, около 50° с.ш.), откуда есть и экземпляры с обычно тёмными каёмками; у молодого самца с Араката каёмки на крыле нисколько не светлее, чем у среднерусских. Клюв довольно длинен (11 мм от ноздри до конца надклювья), но такие же размеры нередки у экземпляров из Средней Киргизской степи и встречаются в центральной России.

Saxicola isabellina Cretschn. Встречен у Аралыхского поста и по дороге к Сергиевскому.

Saxicola melanoleuca Guld. Самец в осеннем наряде добыт у поста Сергиевского, в ущелье св. Иакова.

Saxicola finschii Heugl. По-видимому, не представляет редкости по склону Араката от Сардар-булака и до самого подножия горы, но не спускается на равнину. Молодой самец, при самом конце линьки в осенне пурпурно-красном перо, добыт 11 августа.

Примечание. Вне всякого сомнения, это два различных вида, резко различающиеся не только окраской, но и размерами, живущие бок о бок. Для самца *finschii* характерно, что чёрная окраска нижней стороны головы непрерывно связана с чёрным полем, которое образовано окраскою крыла и плечевых. При этом осенью верх головы и межлопаточная область светлого солово-сероватого цвета, нижняя сторона белая с буровато-кремовым налётом. Для самца *melanoleuca* характерен перерыв между чёрной окраской горла и таковой же окраской крыла и плечевых. В осеннем наряде молодой самец сверху тёмного буро-серого цвета, снизу — буро-соловый (напоминает расцветку *S. pleschanka*). Размеры моих экземпляров: самец *finschii* — крыло 86.5, плюсна 25, средний палец 15.5, клюв от ноздри до вершины 11.5, ребро подключья 9 мм; у самца *melanoleuca* — крыло 89.5, плюсна 22.5, средний палец 14, клюв от ноздри до вершины 8.5, ребро подключья 7 мм (у весеннего самца из Смирны — крыло 91.5, плюсна 2, клюв от ноздри 8 мм). Таким образом, у *finschii* при более коротком крыле клюв и вся нога крупнее; вся птица также крупнее.

В номенклатуре этих двух видов я следую примеру Сибома (Catal. Brit. Mus., V) и профессора М.А.Мензбира ("Птицы России"). Изменения, внесённые Э.Хартертом (Die Vögel der paläarktischen Fauna), который категорически относит название *melanoleuca* к северо-восточной расе *finschii*, лишь слабо отличающейся размерами, не имеют основания, так как рисунок Гюльденштедта (Nov. Comment. Acad. Petropol., XIX), на который Э.Хартерт ссылается, определённо воспроизводит птицу с резко выраженным перерывом между чёрным горловым пятном и чёрной окраской плеча и крыла* — следовательно, черногорлый экземпляр восточной формы *Saxicola hispanica* L. Таким образом, птица, изображённая и описанная Гюльденштедтом, должна носить название *Saxicola hispanica melanoleuca* Guld. = *S. xanthomelaena* Hempr. et Ehrb. = *Saxicola hispanica xanthomelaena* Hempr. et Ehrb. у Э.Хартерта. Что касается кавказских экземпляров *S. finschii*, то вероятно, они должны носить название *S. finschii barnesi* Oates†.

Pratincola torquata maura (Pall.) [= *hemprichii* Ehrb.]. Нередок от заболоченных берегов Кара-су у Араката и до Сардар-булака.

Распространение белой окраски на рулях сильно варьирует и в этой местности; у одного из добытых экземпляров наибольшее распространение белой окраски (на внутренних опахалах некоторых из наружных рулей) не более $\frac{1}{4}$ длины пера. Такая окраска рулей, или весьма к ней близкая, встречается как редкость и у экземпляров *indica* Blyth., притом из местностей, вовсе не близких к области *maura*. Но и такие экземпляры *maura*, по крайней мере самцы, отличимы и в осеннем наряде от *indica* по более светлой окраске брюшка.

Pratincola rubetra (L.) [? *noskae* Tschusi]. Несколько экземпляров замечены лишь у Сардар-булака.

Имеющийся в коллекции экземпляр подходит к описанию *noskae*. Однако отличия от типичного *rubetra* основаны на цветовых признаках,

* На несоответствие этого рисунка с признаками *S. finschii* указывал мне, в личной беседе, и Н.А.Бобринский, собравший хорошую коллекцию птиц у Араката.

† Возможно, что к *S. finschii*, в качестве белогорлой морфы, должен отойти и несколько загадочный *S. gaddi* Zar. et Loud. Резко выраженная связь чёрной надглазной полосы с чёрной окраской крыла говорит против причисления этой формы к *S. hispanica*.

весьма сильно колеблющихся у последнего, и, насколько знаю, никогда не были проверены путём сравнения серий; величина также едва ли пригодна в качестве критерия; мой экземпляр крупен для самки (крыло 76 мм), но столь же крупный имеется из Воронежской губернии. Я считаю более вероятным, что по изучении лучшего материала подвид *noskae* придётся сократить (см. примечание С.А.Бутурлина в статье К.А.Сатунина в “Орнитологическом вестнике” за 1912 г., с. 105).

***Phoenicurus ochruros ochruros* (Gmel.).** Обыкновенна по каменистым оврагам и склонам Араката, от подножия и по крайней мере до уровня поста Сардар-булак. Наблюдались (3-11 августа) взрослые птицы, заканчивающие осеннюю линьку, и молодые, частью ещё целиком одетые в гнездовой наряд. Очень характерная птица для каменистых оврагов, ущелий, невысоких отдельных скал и усеянных камнями склонов. Рассеянно растущие кустики, также отдельные деревья, не мешают этой горихвостке, но и не необходимы. По своим станциям кавказская горихвостка-чернушка очень близка к *Ph. rufiventris phoenicuroides* (Moore) и редко отличается от *Ph. phoenicurus* и близкой к ней *Ph. mesoleuca*. Но при этом интересно отметить, что иногда, поднимаясь в субальпийскую зону, и *Ph. phoenicurus*, по крайней мере на кормёжке, встречается в камнях, далеко от древесной растительности.

***Cyanecula suecica magna* Zar. et Loud.** Варакушка встречена у Аралыха, у поста Сергиевского и у Сардар-булака (в этой последней местности нашёл её и К.А.Сатунин). Экземпляр, добытый у поста Сергиевского (выше поста в 3 верстах по ущелью) — самец в полном осеннем наряде. Я его отношу к *magna* Zar. et Loud. (ср. К.А.Сатунин, I.c.). Размеры крупные: крыло 79, плюсна 7.5, “вершина крыла” (т.е. расстояние от средних из вторичных до конца крыла) 18 мм; формула крыла: 3>4>5>6=2. В окраске стоит отметить более бледный, чем у других в осеннем оперении, голубой цвет горла и намеченное чисто-белыми корнями перьев горловое пятно.

***Irania gutturalis* (Guerin).** Найдена мною только на Аракате, где занимает узкую высотную полосу, определяемую следующими находками: ущелье св. Иакова в 2 верстах выше Сергиевского; на прямой дороге от поста Сергиевского к Сардар-булаку; склоны Большого Араката у Сардар-булака, но не выше уровня последнего.

Вообще говоря, *Irania* не может быть названа редкой птицей для Араката, но она занимает здесь, как уже сказано, узкую зону и притом очень разборчива в выборе местопребывания. Характерная станция *Irania* — широкие лощины с обильной травой, в августе уже засохшей, с разбросанными кое-где крупными камнями и обязательно с отдельными кустиками, чаще лиственными, реже можжевеловыми. В местах иного характера *Irania* совершенно не встречается, и я не находил её, например, при экскурсиях по Малому Аракату, где почти нет крупных камней. Частый спутник *Irania* на Аракате — *Lanius collurio*. В начале августа *Irania* встречалась мне по-одиночке, реже по две; семьи уже разбились.

Очень характерны и повадки. Это — чисто дневная птица. На ярком солнечном свету, нисколько не прячась, сидит она на камне, реже на кусте; иногда не то перебежкой, не то быстрыми короткими прыжками пере-

биается с одного камня на другой. Заметив что-либо подозрительное, *Irania* вытягивается на ногах, поднимает голову, опускает концы крыльев и начинает медленно и плавно взмахивать хвостом — словно дирижируя. Полёт *Irania* плавный, медленный; хвост налету красиво распущен, особенно когда птица летит вниз. В августе *Irania* замечательно молчалива; голоса её я не слыхал, даже когда брал в руки подстреленную птицу. Общественной эту птицу нельзя назвать, но к подобным себе и к другим птицам она относится спокойно, и я нередко видел *Irania*, сидящую буквально рядом или с каменным дроздом, или с молодым сорокопутом.

Мне удалось, не пропуская ни одного случая, но и не делая особых усилий, добыть 6 экземпляров *Irania*. Добытые молодые совершенно перелиняли в осенний наряд; переоделись, за исключением нескольких махов, и обе взрослые птицы. Жирны *Irania* в это время необычайно, равняясь разве с исключительно жирными экземплярами кукушек. Корм состоит преимущественно из ягод жимолости, оранжевою мякотью которых прямотаки набит кишечник.

Стоит отметить, что у молодой птицы в осеннем наряде есть резко очерченные вершинные бледные пятна на самых задних маховых и на больших верхних кроющих. Может быть, этот признак позволил бы узнать и в весеннем наряде молодую птицу прошлогоднего вывода.

Русские орнитологи (М.А.Мензбир, С.А.Бутурлин) называют *Irania* словьём. В повадках этой птицы я не вижу ничего, что напоминало бы словьёв. Скажу даже больше, *Irania* по повадкам не представляется мне похожей ни на одну из известных мне с этой стороны палеарктических птиц, но довольно близко напоминает так называемого дрозда-шама (*Copsychus*).

Spermolegus oocularis (Radde). Местами обыкновенна на Аарате в той же высотной зоне, как и *Irania*. Найдена в ущелье св. Иакова, верстах в 2-3 выше Сергиевского, и, в довольно большом количестве, по склону Большого Аараты близ Сардар-булака и несколько выше. Любимая станция этой птички — заросли кустов, преимущественно можжевельника, по скалам, иногда образующим крутые обрывы; редко лишь встречал я её у голых отвесов; в берёзовой роще в то время, когда производились наблюдения, завишка не держится совершенно.

В своих излюбленных станциях эта птичка на Аарате обыкновенна (я добыл 17 экз.), но она не бросается в глаза. Большей частью держится в кустах можжевельника, редко лишь выбирайсь на верхние ветки, чтобы тотчас или снова юркнуть в кусты, или улететь. Кормясь у голых утёсов, эта птичка держится чаще в тени, так что и тут трудно её заметить. Больше всего выдаёт эту птичку наблюдателю её характерная 3-4-сложная позывкатель, очень напоминающая позывку азиатских завишек.

В начале августа взрослые птицы одеты в осеннее перо, частью с ещё не доросшими передними маховыми. Молодые встречаются и в полном гнездовом пере, и в различных стадиях линьки, и в осеннем наряде, уже не наверняка отличимые от взрослых.

Интересны отношения персидской завишки — как можно назвать эту птицу — к другим представителям *Spermolegus*. По общему впечатлению,

сходство её с *Sp. fulvescens* Severtz. чрезвычайно велико, и вполне понятна ошибка орнитологов, которые, по неудовлетворительному описанию и рисунку типа, признали *Sp. ocularis* за синоним *Sp. fulvescens*. Однако в деталях отличия многочисленны и резки — не меньше имеющихся между другими видами *Spermolegus* — так что *Sp. ocularis* необходимо считать видом*. Некоторые отличия от *fulvescens* как бы повторяют признаки других видов. Бровь не белая, как это у *fulvescens*, но более бледная, чем у *atrigularis* и *montanellus*. Резко полосатая верхняя сторона ближе всего напоминает *atrigularis*, но у *ocularis* резко полосаты и верхние кроющие хвоста, чего нет у других завиушек[†]. Перья зоба с тёмным рисунком на скрытом основании, который бледнее, чем у *montanellus* и *atrigularis*, но столь же резко ограничен от буланой вершинной части пера; у *fulvescens* тёмное основание пера совпадает с пуховой частью его. Наконец, признак нерезкий, но заслуживающий внимания по его повторению у других родов завиушек — это тёмные треугольные пятнышки на вершинах перьев горла, преимущественно на боках его[‡]. Судя по моей серии, эти пятна имеют тенденцию исчезать с возрастом, и у одного экземпляра их нет. У других *Spermolegus*, кроме *Sp. strophiatus*, эти пятна отсутствуют во взрослом наряде, но следы их иногда уловимы в гнездовом оперении.

С этим смешанным характером признаков, из которых один притом видимо древний (горловые пятна), гармонирует и образ жизни персидской завиушки: это и не лесная птица, как *atrigularis* и *montanellus*, но и не житель голых камней, как *fulvescens*; ей необходимы и скалы, и растительность, но не лесная, а рассеянные кустарники.

3. Тифлис—Военно-Грузинская дорога—Владикавказ

Aesalon aesalon Pall. Дербник осенью и зимою нередок у Владикавказа, как выяснилось из просмотра шкурок у одного препаратора. Громадное большинство относится к типичному *aesalon*, но встречается и *pallidus* Suschlk., притом в старых экземплярах.

Aquila chrysaetus fulva Temm. Крупный старый экземпляр беркута замечен 16 августа у Крестового перевала Военно-Грузинской дороги.

Aquila pomarina Brhm. Несколько экземпляров видел 20 июля в окрестностях Тифлиса; далее одиночные экземпляры встречались 15 августа у станции Душет и между станциями Пасанаур и Млет; 1 экз. был добыт.

* Как впервые указал В.Л.Бианки (Обзор форм семейства завиушек в Ежегоднике Зоологического музея Императорской Академии наук за 1904 г.); Э.Хартерт указывает на резкие отличия *ocularis*, но, исходя из своей основной идеи, что викарирующие формы следует считать подвидами независимо от вопроса о резкости признаков, считает *ocularis* за подвид *fulvescens*.

† Признак, на который указывает В.Л.Бианки (1.с.), придавая ему чрезвычайно большое значение — именно побледнение боковых каёмок спинных перьев к краю,— не на верняка уловим на моих экземплярах и в совершенно свежем оперении он не яснее, чем у *atrigularis*. Не отличаются ли этим ааратские птицы от демавендских, над которыми работал В.Л.Бианки?

Ср. В.Л.Бианки, 1.с.

Buteo buteo menetriesi Bogd. Отдельные экземпляры наблюдались 20 июня под Тифлисом. 15 августа между Мцхетом и Душетом встречены отдельные экземпляры, а после 3 часов пополудни между Душетом и Анануrom наблюдалось большое число канюков. Можно было бы принять это явление за пролёт, но в следующие дни, ближе к Казбеку и Владикавказу, я не наблюдал ничего подобного.

Пересмотренная у препаратора во Владикавказе серия местных канюков — к сожалению, большей частью без дат — состоит вся из *menetriesi*; частью, впрочем, нерезко выраженных. Встречаются и тёмно-бурые, видимо, меланистические экземпляры.

Circus macrourus Gm. Вечером 16 августа у станции Коби и утром 17 августа у Гергетского ледника я наблюдал довольно сильную тягу этих луней к югу.

Tetraogallus caucasicus Pall. Кавказский улар* встречен мною 17 августа во время экскурсии на юго-восточный ледник Казбека, Орцвери или Гергетский. По словам бывшего со мною проводника, улары постоянно держатся здесь на хребте, который окаймляет с юга ложе ледника, достигая высоты свыше 10000 футов; более высокая часть этого хребта носит название Красной горки. У подножия гребня, между ним и ложем ледника, тянется полоска альпийского луга. Самый гребень с наклоном боков около 45°, кое-где с выходами коренной породы, большею же частью покрыт осыпью то крупных камней, то разбитых почти в песок. Кое-где видны небольшие полянки альпийского луга. В половине августа, во время моего здесь пребывания, снега почти не было — лишь кое-где, в ложбинках, отдельные пятна грязного снега, но ни малейшего подобия скоплений вечного снега или фирновых полей. Несмотря на шум сильного ветра, дувшего в этот день, удалось услышать голос уларов, а затем увидеть и самих птиц. Тут держались и одиночки, изредка перелетавшие большею частью вдоль хребта книзу, и выводки, с молодыми, уже немного уступавшими старицам в росте. Далеко слышный свист кавказского улара — звонкий, чистый и мелодичный, как у алтайского улара, и отличается от голоса гималайского улара, который временами походит на отчаянный визг поросёнка. От времени до времени слышалось коканье,— как будто перекликался разбежавшийся выводок; это коканье сильно напоминает кеклика *Cassabis chukar*, который на такую высоту не поднимается.

После долгого карабканья — ходьба здесь совершенно безопасная, но очень трудная из-за осьпи — мне удалось найти выводок уларов неподалёку от себя. 9 штук их сидело, притаиввшись от ветра в крупной осьпи, в тени скалы. Пущенный книзу камень потревожил уларов, несколько их перелетело, другие перебежали, хлопая крыльями, через неширокую полосу мелкой осьпи, и снова разместились в таком же убежище, в каком сидели раньше — птицы две на виду, остальные между камнями. После удачного

* Улар — киргизское и теленгитское название, которым безразлично обозначается и *T. altaicus*, и *T. himalayanus*; его очень удобно ввести для обозначения рода *Tetraogallus*, как это частью уже и делается, вместо книжного — и к тому же неверного — названия “горная индейка”.

выстрела 6 птиц слетело; когда проводник пошёл взять убитую, то совершенно неожиданно сорвались ещё две, которые после выстрела затаились в осыпи и теперь подпустили шагов на 20.

У добытого молодого самца оперение на спине и на низу тела сменилось окончательным, как и большая часть махов и рулей.

Bubo bubo interpositus Roths. et Hart. Из Закавказья в моей коллекции имеется 2 филина из окрестностей Тифлиса, приобретённые у препаратора; далее, в Тифлисском музее я внимательно осмотрел 3 экземпляра из следующих мест: Боржом, станция Пойли и Сарыбаш Закатальского округа; с северного Кавказа у меня имеется 6 филинов, добытых в разное время года в окрестностях Владикавказа; они отобраны из серии приблизительно в 20 штук; один экземпляр, из станицы Прохладной, осмотрен мною в зоологическом музее Харьковского университета. На основании этого довольно обильного материала, я в состоянии сказать, что кавказский филин, при всех вариациях, очень однотипен. При этом он определённо отличается как от типичного *bubo*, так и от средневолжского *ruthenus* Zhitk. et Buturl., с которым соединяет кавказского филина Э.Хартерт. От двух названных подвидов, к которым кавказский филин всего ближе, он отличается следующим: сравнительно с *bubo*, светлее фон, особенно на нижней стороне тела, где замечается неровная окраска от побледнения пера к стволу; тёмные наствольные полосы менее развиты на нижней стороне тела; нижние кроющие крыла и подмыщечные с белой примесью; чёрный рисунок плечевых и крыла более грубый; плечевые (наружный ряд) и кроющие крыла с резко выраженным побледнением к вершинам. От *ruthenus*, которого напоминает частью указанных признаков, отличается неровной окраской испода тела, более развитым чёрным рисунком нижних кроющих крыла и подмыщечных, наличностью поперечного рисунка на перьях зашейка (как у *bubo*) и резким контрастом беловатых пятен и чёрного рисунка на плечевых и крыле. В общем птица светлее, чем *bubo*, но пестрее сверху, чем *ruthenus*.

Перечисленными находлениями устанавливается широкое распространение этой формы на Кавказе, включая и Закавказье. Виденные мною крымские филины (Симферополь и Аскания Нова) принадлежат сюда же.

Что касается названия этой формы, то я считаю правильным оставить за ней название *interpositus* Roths. et Hart. (*terra typica*: Малая Азия, северный Кавказ, низовье Волги [Сарепта]; тип из Эрегли, Малая Азия).

Cryptoglaux tengmalmi (Gm.) [? *caucasica* But.]. В моей коллекции имеется экземпляр мохноногого сыча, добытый под Владикавказом зимою, без более точной даты.

Заметно разнится от экземпляров из Московской, Смоленской и Тверской губерний (6 штук). Снизу более испещрён бурым: бурая полоса на каждом пере шире, и предшествующее вершине расширение доходит до краёв пера, так что открытая часть пера бурая с парою больших белых супротивных пятен (а не белая, с расширяющейся в двух местах бурою полосою). Оперение лап более грязного цвета, с хорошо выраженной бурой пестриной. Сверху фон несколько землистее (менее красноватый), что однако заметно лишь при сравнении. Светлые отметины верхней стороны

мельче и менее распространены; внутренние плечевые, задняя часть межлопаточной области, поясница и надхвостье одноцветные, лишь со скрытыми мелкими отметинами (у типичного *tengmalmi* отметины настолько крупны, что не вполне скрыты и образуют поперечные полосы). На средних рулевых 4 пары мелких супротивных белых пятен и зачаток пятой у перехода в пуховую часть пера (у типичного *tengmalmi* 5-6 пятен, обычно крупных и поперечно вытянутых; иногда, однако, пятна почти редуцированы). Крыло 161, клюв от ноздри 11.5 мм (типичные *tengmalmi*: крыло самца 161, самки 164-173; клюв 12-12.5, однажды 11.5 мм).

Вероятно, экземпляр этот должен быть отнесён к *caucasica*, описанному из-под Кисловодска*. Не решаюсь судить, указывают ли различия от оригинального описания (несколько краткого и категоричного!) на индивидуальные вариации, что весьма возможно.

Strix aluco L. morpha *wilkonskii* Menzb. Мне посчастливилось приобрести 4 экземпляра чернобурой неясыти, добытые зимой 1911/1912 и 1912/1913 годов в окрестностях Владикавказа, к сожалению, без обозначения пола и более точных дат.

Междусобою эти экземпляры сходны и отличаются в то же время от типичной *aluco* в обеих её формах, рыжей и серой, не только по чрезвычайно тёмной общей окраске, но и по цветорасположению и рисунку: наиболее тёмно окрашен лицевой диск; белых пятен на плечевой группе и верхних кроющих крыла нет и следов; нет характерного для *aluco* чередования широких тёмных и светлых поперечных полос на маховых и рулевых; на мелком оперении рисунок смыв и представлен в общем неясной тёмной продольной полосой и довольно равномерно распределённым, с поперечным расположением, крапом на остальном пере. Перья лицевого диска без поперечного рисунка. По этим особенностям, очень резким, чернобурая неясыть и была выделена в качестве вида (тип: "Закавказье").

Мои экземпляры при этих чертах сходства в то же время разнятся между собою весьма значительно.

№ 2. Крыло 295 мм. Окраска тёмная рыже-бурая, светлее к заду тела и хвосту, темнее к голове, до кофейно-чёрного на диске. Перья верха головы и зашейка с тёмною широкой тенью к вершине, к краям немного светлее и с очень неясным крапом; спина, плечевые, верх крыла с более узкой и определённой продольной тенью, с размытым крапом, который кое-где, на отдельных перьях, группируется в поперечные полосы, как бы "веточки" центральной тени. Снизу на зобу очень расплывчатое потемнение середины пера; на груди и брюхе определённые продольные чёрные тени около 2-3 мм ширины и размытый крап, расположенный в довольно правильные поперечные полоски. На маховых неправильный мелкий крап, но на внутренних опахалах кое-где обособляются светлые неправильные пятна, и на средних из вторичных махов крап группируется в неясные поперечные полосы, шириной около 6 мм, со светлыми промежутками шириной около 4 мм. Рулевые тоже с тёмным крапом, который перед вершиной также образует неясные поперечные полосы до 4-6 мм шириной, с такими же узкими промежутками. Светлая вершинка пера, более или менее заметная, около 5 мм ширины. На зашейке с одной стороны есть одно пёрышко, почти нор-

* "Ornithologische Monatsberichte", 1907.

маленькое — желтовато-серое, с широкой тёмной наствольной полосой и поперечными веточками от неё; лишь рисунок шире нормального.

№ 3. Крыло 297 мм. Сходна с предыдущей, но вся темнее, а вместе с тем чёрнее и определённее продольные полосы. На темени перья одноцветно чёрно-бурые, на боках темени, затылке и зашейке с явственной очень широкой наствольной полосой и боковыми ветвями от неё — рисунок близок к нормальному. На концах первичных махов намечается чередование светлых и тёмных полос такой же ширины, как у *aluco*. На вторичных махах яснее выражено распределение крапа в поперечные полосы, но и они, и промежутки их, уже чем у *aluco*, и светлая вершина пера очень узка. Таковы же рули.

№ 1. Крыло 298 мм. Тёмного землисто-бурового цвета на голове, постепенно светлеет, как бы запылена жёлто-серо-бурым, к хвосту. Во всём оперении нет того каштанового тона, как у двух предыдущих. Одноцветный матово-чёрно-бурый лицевой диск; лоб и темя несколько светлее; на затылке и зашейке перья светлее и буре к краям, с широкою к концу тенью посередине. Спина, плечевые и верх крыла как бы с пыльным рисунком: по жёлто-буроватому тёмному фону черноватый крап и большей частью такая же тень по стволу; более ясна она на плечевых; крап частью с тенденцией к поперечному расположению. Махи и рули с грубым тёмным крапом; на рулевых фон светлее и рыжеватее, крап крупнее, частью в виде узких косых полос. Нижняя сторона с продольными тёмными полосами, более широкими и смытыми на зобу, более узкими (до 3 мм) и резкими на груди и брюхе, с неясным поперечным крапчатым рисунком. Несколько перьев более или менее нормального типа серой *aluco*: одно перо на диске около глаза, два пера на правом боку шеи; на темени есть два пера с почти нормальной окраской по одну сторону стволика, с чёрно-буровою — по другую.

№ 4. Крыло 287 мм. Сравнительно с предыдущим, фон светлее и рисунок грубее и явственнее. На всём заду головы и зашейке ясно виден рисунок в виде поперечных веточек центральной тени. На маховых тёмные и светлые полосы той же ширины, как у *aluco*, но рисунок менее правилен: тёмные полосы как бы разрыхлены, контраст между светлыми и тёмными меньше, и светлая вершинка вторичных махов слабо обособлена и узка. Рулевые с очень грубым и размытым крапом, группирующимся в поперечные полосы, приблизительно столь же неясные, как на средних рулевых *aluco*.

Описанные экземпляры устанавливают довольно значительную изменчивость *wilkonskii* — насколько мне известно, не отмечавшуюся ранее*. Частью эти изменения таковы, что ими значительно сглаживается разница с *aluco*. Это обстоятельство, в связи с тем, что у нескольких экземпляров *wilkonskii* (два моих, один из Венгрии — см. J. Ornithol. 1871 — и ещё один, виденный мною в Миланском музее) имеются немногие отдельные перья с нормальной окраской *aluco*, указывает, что *wilkonskii* не представляется отдельным видом†, а одним из “изменений” *aluco*.

Значение этого изменения пока не вполне ясно. Это не есть лишь “меланистическая аномальность”, как это говорит С.А.Бутурлин (1.с.), а более глубокое изменение; об этом свидетельствует разница от нормальной *aluco* не только в цвете, но и в рисунке. Безусловно это не есть чисто ге-

* Три экземпляра, известные до сих пор с Кавказа, напротив, весьма однотипны (ср. В.Л.Бианки — Ежегодник Зоологического музея Императорской Академии наук, т. VII).

† Ср. Buturlin — J. Ornithol., 1907.

графическая форма (*subspecies*), так как нигде *wilkonskii* не встречается одна, а всюду лишь с типичною *aluco*. Но вместе с тем, она определённо чаще встречается на Кавказе (4 моих экземпляра из под Владикавказа; 3 упомянутых в статье В.Л.Бианки — Майкоп, Батум, с. Шеллы Шушинского округа; — один из Сарыбаша Закатальского округа, в Тифлисском музее и несколько экземпляров — число и точное местонахождение мне неизвестны — в Берлине, Мюнхене и Тринге), чем где-либо; три известных мне некавказских *wilkonskii* добыты в Турции, северной Италии и Венгрии; из центральной и северной Европы не известно ничего подобного. Поэтому *wilkonskii* следует обозначить как *mogrha*, но уже с некоторой географической локализацией.

К сожалению, ничего не известно относительно наследственной передачи признаков *wilkonskii*.— Окраска моих экземпляров как бы намекает, что и у *wilkonskii* есть “рыжая” и “серая” форма.

Merops apiaster L. 17 августа на высоте около 12000 футов у Гергетского ледника видел несколько стай высоко над собою.

Cuculus canorus L. Вероятно, пролёт кукушек шёл 17 августа у Казбека; они попадались всюду, и на совершенно открытых местах.

Cinclus cinclus (L.). Одиночная молодая оляпка, начавшая линять в осеннее перо, добыта 16 августа на Тереке в 2 верстах выше станции Казбек. На другой день оляпка встречена у Гергетского ледника на высоте не менее 10000 футов. Зимою часто встречается у Владикавказа.

Относя всех кавказских оляпок к подвиду *caucasicus* Mad., Э.Хартерт (“Die Vögel der paläarktischen Fauna”, S. 794) упоминает об одном экземпляре из моей коллекции (самка, сентябрь 1903, Закатальский округ Елисаветпольской губернии), неотличимом наверняка от *cinclus*. Замечу, что птица была добыта в один день и в одном месте с весьма типичною *caucasicus*. Птица, добытая мною близ станции Казбек, должна быть отнесена к *caucasicus*, хотя коричневый пояс узок и тёмен. Из десяти зимних птиц, добытых в окрестностях Владикавказа (точных дат, к сожалению, не имеется) 6 относятся к *caucasicus*, с довольно значительными вариациями в интенсивности окраски низа и ширины каштанового пояса; 4 экземпляра неотличимы от того, который Э.Хартертом признан за *cinclus*.

Таким образом, одно из возможных объяснений, предложенных Э.Хартертом — залёт — исключается и приходится признать, что на Кавказе нередки и оляпки, тождественные с *cinclus*. Констатированы они пока в двух пунктах, у Владикавказа и в Елисаветпольской губернии, вместе с характерными *caucasicus*, но только зимою. Лишь летние наблюдения могут установить, будет ли кавказская *cinclus*-подобная оляпка локализована известным образом, или эти экземпляры должны быть зачислены в круг вариаций *caucasicus*, которую тогда едва ли окажется возможным характеризовать.

Материалы по питанию птиц острова Итуруп (Курильские острова)

В.А.Нечаев

Лаборатория орнитологии, Биолого-почвенный институт ДВО РАН,
пр. 100 лет Владивостоку, д. 159, Владивосток, 690022, Россия

Поступила в редакцию 24 мая 2002

Трофические связи птиц с животными и растениями на о-ве Итуруп не изучены. Мною проанализировано содержимое желудков и зобов некоторых видов птиц, добытых на этом острове в окрестностях пос. Курильск, на побережье зал. Куйбышевский, вблизи оз. Доброе и у подножия вулкана Атсонупури в июне-июле 1990 и 1991 гг. Кроме того, изучено содержимое 15 зобов больших горлиц в сборах А.Г.Велижанина (июнь-октябрь 1968, окрестности пос. Лесозаводский). Насекомых определял А.Б.Егоров.

Большой крохаль *Mergus merganser*. В пищеводе пухового птенца (9 июля 1991) обнаружены личинки подёнок *Ephemeroptera* — около 50 экз., до 95% от массы содержимого, а также 2 личинки ручейников *Limnophilus* sp.

Вальдшнеп *Scolopax rusticola*. В желудке молодой птицы (16 июля 1990) — остатки насекомых: муравьёв-древоточцев *Camponotus* sp., личинок двукрылых *Diptera*, мелких жуков *Coleoptera* и других.

Большая горлица *Streptopelia orientalis*. Изучено содержимое 6 желудков и 1 зоба птиц. Обнаружены семена следующих растений: тиса остроконечного *Taxis cuspidata* — около 20 экз. в зобу и 2 экз. в желудке, вишни сахалинской *Cerasus sachalinensis* — 12 (1)*, рябины бузинолистной *Sorbus sambucifolia* — не менее 300 (1), бересклета *Euonymus* sp. — 2(1), майника *Majanthemum* sp. — 10 (1), мяты однолетнего *Poa annua* — не менее 100 (3), 80-90% от массы содержимого, звездчатки *Stellaria* sp. — около 10 (1), а также брюхоногие моллюски *Gastropoda* — 5(1) и остатки хитинового покрова насекомых. В 15 зобах горлиц, добытых А.Г.Велижаниным, найдены семена курильского бамбука *Sasa kurilensis* — около 30 (5), лизихитона камчатского *Lysichiton camtschatcense* — около 50 (7), схизопепона переступневистного *Schizopepon bryoniifolius* — 15 (3), бузины Зибольда *Sambucus sieboldiana* — около 10 (2), бальзамина обыкновенного *Impatiens noli-tangere* — 6 (1). Кроме того, брюхоногие моллюски — 5 (3) и остатки хитинового покрова насекомых.

Карликовый дятел *Dendrocopos kizuki*. В 5 желудках обнаружены остатки насекомых: тлей *Aphididae* — 60 (1), гусениц *Lepidoptera* — 7 (2), *Coleoptera* — 7 (5), в частности, *Chrysomelidae* и *Elateridae*, *Diptera* — 6 (3), *Hymenoptera* — 2 (1) и личинок насекомых — около 10 (1).

* Здесь и далее перед скобкой — общее число экземпляров, в скобках — число желудков (или зобов).

Белопоясный стриж *Apus pacificus*. В желудке самки (19 июня 1990) — ручейники *Limnophilus stigma* — 15 экз., Diptera — около 20 экз., Hymenoptera — не менее 20 экз., Coleoptera — 1 экз. и остатки хитинового покрова насекомых.

Полевой жаворонок *Alauda arvensis*. В 3 желудках обнаружены остатки насекомых, пауков и семена растений. Насекомые: жуки-долгоносики — 13 (3), а именно, *Tricholopus albonotatus* — 6 (1), *Tricholopus* sp. — 2 (2), *Sympiezomias lewisi* — 1 (1), жуки (ближе не определены) — 3 (3), гусеницы Lepidoptera — 2 (1) и другие, ближе не определённые.

Японский сорокопут *Lanius bucephalus*. В желудке (10 июля 1991) — остатки шмелей *Bombus* sp. и жуков. В погадке (25 июня 1990) — остатки жуков: муртвоеда *Silpha perforata* и жужелицы *Carabus granulatus*, а также осы *Vespula* sp. и шмеля *Bombus* sp.

Серый скворец *Spodiopsar cineraceus*. В окрестностях пос. Курильск 25 июля наблюдались птицы, которые поедали спелые плоды вишни сахалинской *Cerasus sachalinensis*.

Кедровка *Nucifraga caryocatactes*. В 3 желудках (27 и 30 мая 1990) обнаружены остатки жуков — около 10 (2): муртвоеда *Phosfuga atrata*, жужелиц *Carabus arvensis* — 3 (2) и долгоносиков *Hylobius haroldi* — 2 (2), а также шмелей *Bombus* sp. — 10 (2). Кроме того, скорлупа и мякоть семян с проростками кедрового стланика *Pinus pumila* — в 2 желудках (в одном до 90% от массы содержимого).

Большеклювая ворона *Corvus macrorhynchos*. Птицы, встреченные в третьей декаде июля, питались плодами вишни сахалинской *Cerasus sachalinensis*.

Крапивник *Troglodytes troglodytes*. В 3 желудках остатки пауков Aranei — 2 (3) и насекомых: Coleoptera — 4 (3), Diptera — 15 (3) и гусениц Lepidoptera — 2 (1).

Короткокрылая камышевка *Horeites diphone*. В 5 желудках остатки полуожестокрылых Heteroptera из сем. Pentatomidae; Coleoptera — около 10 (5): стафилина Staphylinidae, Elateridae — 2 (2), долгоносиков *Phyllobius* sp. — 2 (1) и ближе не определённых — 5 (5); Diptera — 5 (5), в т.ч. комаров-долгоножек Tipulidae; Hymenoptera — 2 (2), в т.ч. муравьёв *Formica* sp. и других насекомых.

Таёжный сверчок *Locustella fasciolata*. В желудке птицы от 24 июля 1990 обнаружены осколки раковин брюхоногих моллюсков Gastropoda — 60% от массы содержимого, а также насекомых: Coleoptera, Diptera и гусениц Lepidoptera.

Охотский сверчок *Locustella ochotensis*. В 10 желудках остатки ручейников *Limnophilus* sp. — около 10 (5); Heteroptera; Coleoptera — 20 (10), в т.ч. Curculionidae — 6 (5); Diptera — 10 (9), в т.ч. Tipulidae — 8 (6); Hymenoptera — 8 (5), гусениц Lepidoptera — 4 (2) и других насекомых.

Пятнистый сверчок *Locustella lanceolata*. В 3 желудках остатки насекомых: ручейников *Limnophilus* sp. — 4 (2), Diptera — 3 (3), Coleoptera — 3 (2) и других.

Чернобровая камышевка *Acrocephalus bistrigiceps*. В 2 желудках остатки пауков Aranei — 2 (1) и насекомых: Diptera — 6 (2), в т.ч. Tipulidae — 4 (2), гусениц Lepidoptera и других.

Пеночка-таловка *Phylloscopus borealis*. В 5 желудках остатки насекомых: ручейников *Limnophilus* sp. — 4 (2); цикадок-пенниц Aphrophoridae — 6 (3); Coleoptera — 10 (3), а именно: долгоносиков *Phyllobius* sp. — 8 (4), листоедов *Gastrolina peltoides* — 2 (1) и *Galeruca* sp. — 1 (1); Diptera — 8 (5), Hymenoptera — 4 (3), гусениц Lepidoptera — 20 (5), личинок насекомых — 5 (3), а также остатки брюхоногих моллюсков Gastropoda — 2 (2).

Ширококлювая мухоловка *Muscicapa latirostris*. В желудке птицы от 13 июля 1991 обнаружены остатки усача *Estoliops fasciatus* и других Coleoptera (ближе не определены), Diptera и Hymenoptera.

Японская мухоловка *Ficedula narcissina*. В желудке птицы от 4 июля 1990 найдены остатки комаров-долгоножек Tipulidae и других Diptera (ближе не определены), а также Coleoptera.

Соловей-красношейка *Luscinia calliope*. В 7 желудках остатки ракообразного Amphipoda, многоножки Chilopoda и насекомых: Coleoptera — 20 (7), в т.ч. долгоносика *Blosyrus japonicus*; листоедов *Phyllotreta atra* — 1 (1) и *Galeruca* sp. — 1(1), жужелицы *Amara* sp., мягкотелки Cantharidae, щелкунов Elateridae — 6 (3), усача Cerambycidae и других жуков, ближе не определённых; а также Diptera — 10 (5), Hymenoptera — 10 (1), гусениц Lepidoptera — 3 (2) и других.

Синий соловей *Luscinia cyane*. В желудке птицы от 4 июля 1991 обнаружены остатки насекомых: Coleoptera (Elateridae и Chrysomelidae), Diptera, гусениц Lepidoptera и других.

Японская зарянка *Luscinia akahie*. В 5 желудках остатки пауков Aranei — 3 (2) и насекомых: Coleoptera — 10 (5) — жужелицы *Pterostichus* sp., щелкунов — 3 (2) — *Astenicrus kurilensis* и других (ближе не определённых), долгоносиков — 4 (1) — *Xenomimetes rarus* и других, листоеда *Phyllotreta atra*, навозника *Aphodius* sp., божьей коровки *Calvia 14-guttata*; Diptera — 3 (2), в т.ч. Tipulidae; Hymenoptera — 4 (1), в т.ч. муравьёв *Formica* sp.; пилильщиков Tenthredinidae и наездников Ichneumonidae; гусениц Lepidoptera — 7 (2) и других.

Черноголовый чекан *Saxicola torquata*. В желудке птицы от 1 июля 1991 встречены остатки насекомых: мелких жужелиц Carabidae — 5 экз., Hymenoptera и других.

Золотистый дрозд *Turdus chrysolaus*. В 4 желудках остатки разноногих ракообразных Amphipoda — 5 (1), брюхоногих моллюсков Gastropoda — 10 (3) и насекомых: Coleoptera — 5 (3) — жужелицы *Pterostichus adstrictus*, щелкuna Elateridae; Diptera, в т.ч. Tipulidae — 4 (2), Hymenoptera, в частности муравьёв-древоточцев *Camponotus* sp. — 2 (1); гусениц Lepidoptera — 3 (1) и других насекомых, а также семена вишни сахалинской *Cerasus sachalinensis* — 2 (1) и вишни курильской *C. kurilensis* — 2 (1).

Пёстрый дрозд *Zoothera dauma*. В желудке птицы от 20 июля 1990 найдены остатки насекомых: Coleoptera, Diptera и других, а также дождевых червей Lumbricidae.

Восточная синица *Parus minor*. В 3 желудках остатки пауков Aranei — 5 (3) и насекомых: Aphrophoridae — 10 (1), Coleoptera — 3 (2), Diptera — 5 (2), гусениц Lepidoptera — 8 (3) и других.

Черноголовая гаичка *Parus palustris*. В 3 желудках остатки пауков и насекомых: Coleoptera, гусениц Lepidoptera — 5 (2) и других.

Поползень *Sitta europaea*. В 3 желудках остатки Coleoptera — 8 (3), в т.ч. долгоносика *Coniferocryptus tamanuki*, щелкуна Elateridae; Diptera — 7 (3); семян растений — 5 (3), в т.ч. калопанакса семилопастного *Kalopanax septemlobum*.

Китайская зеленушка *Chloris sinica*. В 3 желудках обнаружены семена: одуванчика *Taraxacum* sp. — около 30 (2), лютика *Ranunculus* sp. — около 50 (1), а также остатки жуков-долгоносиков Curculionidae — 2 (1) и других.

Долгохвостая чечевица *Uragus sibiricus*. В 2 желудках семена: одуванчика *Taraxacum* sp. — около 50 (2), лапчатки *Potentilla* sp. и других, ближе не определённых, а также остатки гусениц Lepidoptera и других насекомых.

Дальневосточный снегирь *Pyrrhula griseiventris*. В 2 желудках семена растений: одуванчика *Taraxacum* sp. — около 50 (3), бора развесистого *Milium effusum* — 10 и 100 (2), злака (ближе не определён) — около 50 (4), шиповника *Rosa* sp., рябины бузинолистной *Sorbus sambucifolia* — около 40 (1), лютика *Ranunculus* sp., ясколки *Cerastium* sp., фиалки *Viola* sp., а также остатки насекомых: тлей Aphididae, личинок Aphrophoridae — около 30 (2), гусениц Lepidoptera — 10 (2) и других. В пищеводах 3 птиц обнаружены комочки пищи для гнездовых птенцов, состоящие из личинок Aphrophoridae — 60 (3), семян *Milium effusum* — около 100 (1) и других растений. В начале июля 1991 наблюдались снегири, которые склёвывали личинок листоедов Chrysomelidae с листьев клёна красивого *Acer pictum*, а во второй половине июля 1991 — птицы, срывавшие с ветвей плоды вишни сахалинской *Cerasus sachalinensis* и черёмухи айнской *Padus ssiori*.

Японская овсянка *Emberiza variabilis*. В 4 желудках остатки раковин Gastropoda, жуков Coleoptera — 5 (4) и гусениц Lepidoptera — 2 (1), а также семена растений — 40 (4): кислицы обыкновенной *Oxalis acetosella* — 15 (2), *Viola* sp. — 10 (2), *Stellaria* sp. — 10 (1) и других, ближе не определённых.

Седоголовая овсянка *Emberiza spodocephala*. В 5 желудках остатки насекомых: Coleoptera — 5 (3), в т.ч. Curculionidae — 5 (2); Diptera — около 40 (3), в т.ч. комаров-долгоножек Tipulidae — 32 (3); гусениц Lepidoptera — 22 (4) и других; а также семена растений: осоки *Carex* sp., фиалки *Viola* sp., звездчатки *Stellaria* sp., лизихитона *Lysichiton camtschatcense* и других.

Камышевая овсянка *Emberiza schoeniclus*. В 2 желудках остатки пауков Aranei и насекомых: Diptera, гусениц Lepidoptera — 5 (1) и других.

Дисперсия особей и контакт поколений как фактор и движущая сила эволюции высших позвоночных (на примере птиц)

А.С.Мальчевский

Кафедра зоологии позвоночных, биолого-почвенный факультет, Санкт-Петербургский университет, Университетская наб. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

*Второе издание. Первая публикация в 1988**

У высших позвоночных, в основном у птиц и млекопитающих, благодаря контакту поколений, наиболее быстрыми темпами может достигаться адаптивный эффект и происходить распространение приспособительных форм поведения. Молодая особь, попадая впервые в новые для неё условия, но туда, где есть особи её вида, очень скоро начинает вести себя так, как того требует местная обстановка. На значение изменений поведения животных в процессе эволюции и приспособления их к изменениям в среде в своё время обратил внимание А.Н.Северцов (1922). Непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеет также понятие “сигнальная наследственность”, выдвинутое М.Е.Лобашевым (1961).

В настоящей статье способность высших животных к изменению повадок и быстрому их распространению связывается с другим фактором, существенно влияющим на ход эволюции, а именно с явлением дисперсии (dispersal), т.е. с процессом расселения особей от мест их рождения. Этот процесс происходит перманентно. В него ежегодно включается большое число особей, главным образом молодых (Мальчевский 1969). Отметим, что термин “контакт поколений” близок понятию “сигнальная наследственность”. Понимать его надо в самом широком смысле. Это далеко не только результат взаимоотношений “родители—дети”. В основном это отношения, в которые, в процессе дисперсии, вступают молодые особи с представителями вида старших поколений, встречающимися на их жизненном пути после распада выводка. Таким образом, речь идёт о подвижных животных, способных к оценке обстановки, заимствованию опыта и передаче его от поколения к поколению, т.е. о животных, у которых существует, если можно так выражаться, негенетическая “память” вида и наблюдаются местные адаптивные “традиции”.

Птицы в этом отношении особенно показательны. Они подвижны и часто попадают в районы, удалённые от мест рождения. Стремление подражать и следовать за уверенно ведущими себя (старшими) особями выражено у них очень сильно. Путём подражания они часто находят благопри-

* Мальчевский А.С. 1988. Дисперсия особей и контакт поколений как фактор и движущая сила эволюции высших позвоночных (на примере птиц) // Дарвинизм: история и современность / Э.И.Колчинский, Ю.И.Полянский (ред.). Л.: 65-71.

ятные места гнездования и кормёжки, осваивают новые виды пищи. Они способны перенимать способы охоты и кормодобывания, дистанцию вспугивания (степень осторожности) и другие повадки. К тому же большинству птиц свойственна дальняя голосовая связь, играющая первостепенную роль в контакте поколений, особенно при так называемом “ситуативном типе общения”, который обслуживает большинство жизненных ситуаций. Звуковое общение и взаимопонимание при этом осуществляются не по прямому каналу “звук—ответная реакция”, как полагали раньше, а через оценку ситуации по схеме: “сигнал—ситуация—ответ” (Мальчевский 1982), что способствует приобретению и быстрому распространению опыта. Среди животных именно птицы наиболее удобны для изучения явления дисперсии и выяснения скорости распространения адаптивных поведенческих реакций. Птицы заметны на расстоянии и легко поддаются индивидуальной маркировке. Это позволяет длительное время наблюдать за отдельными особями и их потомками.

Многие черты экологии и поведения птиц могут видоизменяться в зависимости от обстоятельств и местных условий. Благодаря контакту поколений местные экологические “традиции” могут сохраняться длительное время. У воробьиных птиц, например, локальные особенности видовой песни существуют десятилетиями и поддерживаются путём подражания молодых птиц старым, не обязательно родителям.

Подобного рода местным особенностям поведения птиц часто придают значение признаков, якобы характеризующих “местные популяции”. На самом же деле они создают лишь видимость так называемых популяций (Мальчевский 1968). В этой связи большой интерес представляет процесс урбанизации некоторых видов птиц, идущий в настоящее время весьма быстрыми темпами. У птиц, живущих в городах, новые адаптивные повадки возникают и распространяются буквально на глазах. Озёрные чайки *Larus ridibundus* и кряковые утки *Anas platyrhynchos* в Ленинграде, например, ведут себя сейчас так, как ещё 10-15 лет назад орнитологи не могли даже предполагать. Обычно осторожную крякву горожане теперь кормят чуть ли не с рук. Чайки, помимо выхватывания добычи с поверхности воды (исходный способ питания), кормятся теперь стаями на газонах в центре города, посещают помойки. Их можно увидеть охотящимися за майскими и июньскими хрущами, ивовыми волнянками и другими насекомыми, которых они схватывают во время массового лёта над вершинами деревьев, растущих в городских скверах. Такого никто раньше не наблюдал. Теперь это — массовое явление. Столь же быстро озёрные чайки выработали привычку, при отыскании корма, стаейходить за трактором, а в Прибалтике некоторые виды чаек теперь гнездятся даже на крышах городских домов.

Сизые голуби *Columba livia* когда-то считались сугубо оседлыми птицами. Полагали, что так называемый уличный голубь будто бы всю жизнь живёт на той улице, на которой родился. Однако специальные наблюдения и работы по кольцеванию показали, что даже у домашних голубей существует широкий обмен особями между населениями разных городов. В Софии неоднократно отлавливались сизые голуби, окольцованные в Берлине,

Бухаресте, Будапеште, Праге и Белграде (Нанкинов 1982). В период блокады Ленинграда голуби, как известно, полностью исчезли из города. Первый, явно залётный, голубь был встречен нами здесь 29 марта 1947 года. В течение же последующих двух-трёх десятилетий сизые голуби не только наводнили все районы Ленинграда, но и заселили практически все города и посёлки Северо-Запада РСФСР. Стая перемещающихся голубей можно постоянно наблюдать на всей территории Ленинградской области, даже за 10-15 км от ближайших деревень (Мальчевский, Пукинский 1983). Это свидетельствует о том, что даже такому, казалось бы, строго оседлому виду, как домашний сизый голубь, свойственна широкая дисперсия — выселение части особей из родных мест.

В.В.Алпатов (1980) указывает на то, что в 1950-х годах голуби в разных городах отличались по степени доверчивости, способности сидеть на деревьях и другим признакам, которыми можно якобы характеризовать отдельные популяции этих птиц. Однако считать эти особенности поведения голубей признаками, имеющими популяционный характер, с нашей точки зрения нельзя. Сейчас голуби ведут себя сходно во многих городах. Доверчивость по отношению к людям, способность сидеть на ветвях деревьев, привычка рыться в отходных бачках, питаться на улицах отбросами — все эти признаки благоприобретаемые и быстро распространяющиеся благодаря контакту поколений и дисперсии особей. Лишь бы были к тому соответствующие условия. Если на шоссе или железнодорожной насыпи бывает просыпано зерно, то голуби, в ожидании возможности подлёта к нему, сидят даже на проводах, чего раньше никогда не наблюдалось.

Таким образом, о потенциальных возможностях поведения представителей того или иного вида трудно судить по наблюдениям в одном месте, они всегда шире их реальных проявлений и определяются широтой “нормы реакции” вида и местными обстоятельствами. Зоологи же, наблюдая за отдельными поселениями птиц, чаще всего имеют дело с их местными чертами поведения, создающими, повторяем, лишь видимость локальных популяций.

Широта видовой нормы реакции и дисперсия особей — явления взаимосвязанные. У видов с широким размахом дисперсии особей, благодаря постоянному контакту поколений, обмен генной информацией происходит на значительных пространствах ареала. Эволюция таких видов идёт в основном в направлении расширения нормы реакции и возрастания экологической пластичности, а не по пути внутривидовой дифференциации, эволюционное значение которой, с нашей точки зрения, часто преувеличивается. Норма реакции особей у таких (сильных) видов стремится к уровню нормы реакции вида. Понятие же “популяция” у них имеет обычно ранг географической расы, подвида или даже вида.

У большинства певчих птиц, которые в течение нескольких десятилетий (1951-1984) являлись объектами специального изучения автора и орнитологов кафедры зоологии позвоночных ЛГУ, размах дисперсии весьма значителен. При стационарных многолетних наблюдениях и массовом кольцевании птиц во всех случаях местное население ежегодно оказывалось обновлённым на 70-80 (и более) процентов за счёт притока со сторо-

ны молодых и некоторой части старых птиц. Модельными объектами служили самые различные виды, как перелётные, так и оседлые — дрозды, славки, пеночки, мухоловки, синицы, воробы, ласточки. Общая картина степени постоянства и подвижности территориальных связей оказывалась сходной: большинство молодых птиц первогодков разлеталось от места рождения, старые же в основном возвращались на прежнее место гнездования (см. работы: А.Р.Гагинской, В.И.Голованя, Н.В.Лапшина, В.М.Музева, Д.Н.Нанкинова, Г.А.Носкова, С.П.Резвого, И.Б.Савинич, С.А.Фетисова и др.). Говоря о степени постоянства местного населения, нельзя забывать, что старые птицы, будучи молодыми, тоже прилетали в район своего первого гнездования со стороны. Консерватизм по отношению к месту размножения вырабатывается у них обычно после первого (удачного) гнездования. Большинство же молодых певчих птиц в первый год своей жизни разлетается. Таким образом, в жизни местного населения птиц следует различать две тенденции — гнездовой консерватизм, закрепляющий за видом уже освоенные места, и дисперсию особей, в результате которой происходит перераспределение птиц по благоприятным для размножения угодьям, а иногда открываются и новые для вида территории.

Судить о полном размахе дисперсии очень трудно. Из-за широкого разлёта птиц в первый год их жизни установить все места их поселений практически невозможно. Хотя в литературе и накопилось довольно много сведений о случаях размножения молодых птиц-первогодков в местах, удалённых за сотни и более километров от района их рождения, тем не менее общая картина ежегодной дисперсии всегда остаётся до конца неизвестной. Приходится использовать косвенные показатели. Основные из них следующие.

1. Как было сказано выше, данные кольцевания самых различных видов воробьиных птиц свидетельствуют о ежегодном обновлении местного населения, что указывает на постоянно происходящий в природе интенсивный обмен особями, родившимися в разных местах. Надо полагать, что происходящее на малых площадях должно отражать процессы, протекающие на более широких территориях. Дисперсия особей идёт ежегодными “шагами”, от поколения к поколению. Обычно она имеет ненаправленный характер и приводит к панмиксии, охватывающей значительную часть ареала. В случае же её направленности может произойти быстрое смещение границ видовых ареалов, что недавно было зафиксировано нами на Северо-Западе РСФСР для 17 видов птиц (Мальчевский, Пукинский 1983).

2. У перелётных птиц разлёт особей, родившихся в одном районе, при следовании на зимовку очень широк. В этом отношении показателен пример с дроздом-белобровиком *Turdus iliacus*. Многолетнее кольцевание этих дроздов показало, что птицы, появившиеся на свет под Ленинградом, рассредоточиваются на зимовке в южной Европе на расстояниях до 1500 км (от Португалии до Болгарии). Здесь белобровики смешиваются с птицами, прилетающими из других районов, в частности из Прибалтики. Образуя общие стаи и увлекая друг друга (контакт поколений), птицы могут приводить с собой на зимовку и на места размножения особей, родившихся в разных, подчас удалённых один от другого районах. Вполне за-

конно предположить, что угол разлёта молодых птиц от мест рождения равен углу их разлёта с мест зимовки. В таком случае, особенно если учесть многолетние “шаги” дисперсии, область, охватываемая панмиксией у дрозда-белобровика, может простираться практически на всю европейскую часть его ареала.

3. У многих так называемых “оседлых” видов размах дисперсии бывает не менее широким, чем у перелётных. Как показали исследования Г.А. Носкова, А.Р. Гагинской, О.П. Смирнова, С.А. Фетисова, Е.В. Шутенко и др., проводивших систематическое кольцевание полевых воробьёв *Passer montanus*, больших синиц *Parus major* и серых ворон *Corvus cornix*, молодые птицы этих видов до наступления половозрелости предпринимают очень широкие кочёвки. Как правило, они не возвращаются обратно, а оседают в разных местах, благоприятных в кормовом отношении, иногда за 1-1.5 тыс. километров от мест их рождения. Наоборот, старые особи, ранее уже гнездившиеся, проявляют иногда очень стойкий консерватизм по отношению к месту гнездования. У серой вороны, например, одна и та же территория может сохраняться десятилетиями. По данным кольцевания (Шутенко 1983), постоянство места гнездования поддерживается поочерёдной заменой партнёров в случае гибели одного из них, т.е. контактным путём. При сохранении благоприятных условий колониальные поселения грачей *Corvus frugilegus* существуют иногда в течение столетий. Это не означает, однако, того, что такие колонии представляют собой поселения родственных семей.

Термин “местная популяция”, которым пестрят экологические работы, чаще всего не соответствует понятию “популяция” в его микроэволюционном значении. Этот термин стал уже терять свой первоначальный генетический смысл, что приводит вообще к большой путанице в понятиях. В экологических работах этот термин означает по существу “местное население”, которое, как это было показано выше, у большинства видов птиц находится в состоянии постоянного обновления. Дробление на популяции для многих широко распространённых видов не характерно. Этот процесс (образование изолированных популяций) обычно происходит у видов, у которых внутренняя потенция к дисперсии ослаблена и возможность широкого контакта поколений ограничена. Чтобы восстановить, например, численность глухаря *Tetrao urogallus* в Англии, потребовался его завоз из Швеции. Для кряквы (сильно дисперсирующий вид) такого завоза не потребовалось бы. Она, не образуя даже подвидов, населяет всю Евразию, половину Северной Америки, Исландию и даже проникла в южную Гренландию. У сильно дисперсирующих птиц эволюция видов идёт широким фронтом в направлении расширения нормы реакции. Преобладание же консервативной стороны поведения, при изменении условий, легко может привести к распаду вида на отдельные изолированные популяции, т.е. к островным его поселениям. Это повлечёт за собой прекращение обмена генофондом и сужение видовой нормы реакции. Такой процесс может означать начало деградации вида и при определённых условиях привести к его вымиранию. Недаром существует образное выражение Э. Майра: “Острова — ловушки видов”. Такие “ловушки” существуют и на континентах.

При изучении территориального поведения птиц с помощью кольцевания прежде всего улавливаются их возвраты в те районы, где за птицами ведутся постоянные наблюдения. Дальние разлёты практически не поддаются контролю. И, сбрасывая со счёта оставшийся неизвестным общий размах дисперсии, орнитологи первоначально пришли к выводу, что птицы, которые не вернулись в родные места, следует считать погибшими. Гнездовой консерватизм птиц был таким образом возведён в абсолют. Очень большое влияние на такие представления оказала книга Х.Говарда (Howard 1920), а также более поздние высказывания Э.Майра и Д.Лэка, которые подчёркивали, что птицы пользуются крыльями для того, чтобы возвращаться домой, и что поэтому популяции у них более изолированы, чем это можно было бы ожидать. Эта точка зрения доминировала более полувека и признаётся многими сейчас. Она повлияла на формирование у орнитологов представления о том, что в пределах ареала вида будто бы существует множество локальных изолированных популяций. В действительности же орнитологи, работая в поле, имеют дело в основном с ежегодно обновляющимися “местными поселениями” птиц, которые генетически не изолированы или изолированы в гораздо меньшей степени, чем это было принято считать. На наш взгляд, у большинства широкораспространённых видов вообще нет местных популяций в строгом понимании этого термина. Внутривидовая дифференциация у них проявляется в основном на уровне географических форм или подвидов.

Распад видов на изолированные популяции лишь ослабляет их. Этот процесс обычно происходит на так называемой “консервативной” стадии эволюции вида (Мальчевский 1974), когда территориальный консерватизм начинает доминировать над дисперсией особей. При ухудшении условий существования и разобщённости популяций это может привести к постепенному сокращению ареала, а в конечном счёте к угасанию вида. Многие из таких видов уже занесены в Красную книгу.

Итак, дисперсия особей — прогрессивный фактор эволюции, способствующий расширению нормы реакции вида и повышению уровня экологической пластичности особей. Понимать дисперсию только как выселение особей вследствие перенаселения и борьбы птиц за территорию, как это принято считать, нельзя. Она обусловлена внутренними причинами — стремлением к расселению в период подвижной стадии онтогенеза на первом году жизни и присущей высшим позвоночным, в том числе птицам, потребностью в контакте поколений.

Литература

- Аллатов В.В. 1980.** Значение наблюдений над городскими голубями для общей биологии // *Докл. МОИП. Общ. биол. 2-е полугодие 1978 г.* М.: 73-74.
- Лобашев М.Е. 1961.** Сигнальная наследственность//*Исследования по генетике.* Л., 1: 3-11.
- Мальчевский А.С. 1957.** Яление гнездового консерватизма у воробынных птиц // *Вестн. Ленингр. ун-та* 9: 58-70.
- Мальчевский А.С. 1958.** Местные напевы и географическая изменчивость песни у птиц// *Вестн. Ленингр. ун-та* 8: 110-119.

- Мальчевский А.С.** 1959. Гнездовая жизнь певчих птиц: Размножение и постэмбриональное развитие лесных воробьиных птиц Европейской части СССР. Л.: 1-281.
- Мальчевский А.С.** 1968. О консервативном и дисперсном типах эволюции популяций у птиц // *Зоол. журн.* 47, 6: 833-842.
- Мальчевский А.С.** 1969. Дисперсия особей и эволюция видов и популяций у птиц // *Орнитология в СССР*. Ашхабад, 1: 111-124.
- Мальчевский А.С.** 1974. Отношение животных к территории как фактор эволюции (на примере птиц) // *Вестн. Ленингр. ун-та* 3: 5-15. [2-е изд: **Мальчевский А.С.** 2001. Отношение животных к территории как фактор эволюции (на примере птиц) // *Рус. орнитол. журн.* Экспресс-вып. 150: 564-575].
- Мальчевский А.С.** 1982. Биологические основы звуковой коммуникации птиц // *Зоол. журн.* 61, 7: 1000-1008.
- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б.** 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 1: 1-480; 2: 1-502.
- Нанкинов Д.Н.** 1982. Птиците на град София // *Орнитол. информ. бюл.* 12: 1-386.
- Северцов А.Н.** 1922. *Эволюция и психика*. М.: 1-54.
- Шутенко Е.В.** 1983. Серая ворона — *Corvus cornix* L. // *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана* / А.С.Мальчевский, Ю.Б.Пукинский. Л., 1: 439-449.
- Howard H.** 1920. *Territory in the Bird Life*. London: 1-208.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 185: 463-465

Новый случай размножения горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* в Псковской области

С.А.Фетисов

Национальный парк “Себежский”,
ул. 7 Ноября, д. 22, г. Себеж, Псковская область, 182250, Россия

Поступила в редакцию 1 июля 2002

Несмотря на то, что в послевоенные годы горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* стала обычной птицей в большинстве стран Прибалтийского региона, в частности в Латвии, Эстонии и Белоруссии, её гнездование в граничащей с ними Псковской области впервые установлено лишь в 2000 году. В июне-июле 2000 горихвостка-чернушка была отмечена гнездящейся сразу в двух местах на северо-западе области: О.А.Струкова (2000) обнаружила выводок в г. Пскове, А.В.Бардин (2000) нашёл гнездо с птенцами в дер. Велье Печорского р-на, примерно в 36 км от Пскова.

Спустя два года мне удалось наблюдать третий случай размножения горихвостки-чернушки в Псковской области, теперь уже на её крайнем юго-западе, в Себежском районе.

В первый раз пара чернушек была отмечена мной поздно вечером 26 мая 2002 на территории национального парка “Себежский”. И самец, и

самка охотились на окраине дер. Осыно (Осынской волости; 56°09' с.ш., 28°27' в.д.) рядом с бывшей фермой — заброшенным кирпичным строением, без крыши, окон и дверей, но с сохранившимися потолочными перекрытиями и стенами внутренних помещений. Горихвостки держались в радиусе 50-60 м от здания, а вблизи него проявили беспокойство.

27 мая утром за парой было установлено наблюдение. Оказалось, что обе взрослые птицы собирают корм для птенцов и носят его через оконный проём в бывшее подсобное помещение размером 6×6×4 м. В этой пустой и полутёменной комнате, имеющей как внешний, так и внутренний дверной проём, без труда удалось найти гнездо, расположенное в углу под самым потолком, в неглубокой — шириной 10 см и высотой 15 см — нише, образованной балочным перекрытием. Гнездо было устроено совершенно открыто, хотя в стенах имелись две глубокие ниши, где оно не было бы заметно. Птенцы при моём входе в помещение замерли, прижались, и их почти не было видно снизу. После обнаружения гнезда я установил в помещении небольшую палатку для наблюдений, а у одной из стен, ближе к оконному проёму — узкий деревянный ящик. Взрослые горихвостки почти не реагировали на палатку и начали кормить птенцов уже через 7 мин после того, как я покинул помещение.

28 мая в палатке для наблюдений были установлены лампа для подсветки и фотоаппарат. С помощью лестницы гнездо удалось снять со стены и поместить его сходным образом наверху деревянного ящика, поставленного у стены. В гнезде оказалось 5 птенцов в возрасте 10-11 сут, которые успокоились через 10-15 мин после начала наблюдений из палатки. Они стали заниматься своими обычными делами: почесываться, менять места в гнезде, перелезая друг через друга, тренировать крылья, имитируя полёт, и т.п. Один из птенцов на время вылез из гнезда на верхний срез ящика, но вскоре вернулся. Голосовых сигналов птенцы почти не издавали. Примерно через 30-35 мин родители возобновили кормление птенцов. В первый час они проявляли беспокойство, подлетая к гнезду, и старались побыстрее отдать корм птенцам. Возможно из-за этого самка кормила птенцов несколько чаще, чем самец (с 11 до 13 ч самка принесла корм 22 раза, самец 13 раз). В основном они приносили птенцам небольших зелёных гусениц. В конце наблюдения, когда взрослые птицы достаточно успокоились, было замечено, что самка стала подлетать к птенцам с кормом, совать им его в клюв, но не отдавать, а отлетать от гнезда. Прежде чем отдать корм птенцам, она повторяла такой маневр 2-3 раза. Птенцы бурно реагировали на него голосовыми сигналами выпрашивания корма и активными перемещениями внутри гнезда. Через 2 ч 30 мин фотосъёмка и наблюдения были прекращены, а палатка убрана.

29 мая я осмотрел гнездо в 17 ч. В нём находилось 4 птенца. Пятый птенец был обнаружен вне здания, примерно в 30 м от него, на куче битого кирпича. В 17 ч 15 мин его покормила самка.

30 мая в 10 ч в гнезде оставалось 2 птенца, а в 17 ч оно оказалось пустым. Выводок слётков расположился вместе с обоими родителями в 100-120 м от места гнездования, на бетонных стенах бывшей силосной ямы.

Гнездо горихвосток-чернушек передано в Себежский краеведческий музей. Его размеры, мм: диаметр гнезда 150×120 (гнездо овальной формы), высота 75, диаметр лотка 80-85 (лоток частично деформирован птенцами), глубина лотка 45. Задняя стенка гнезда имеет неправильную усечённую форму из-за расположения в узкой нише. Передняя стенка, наоборот, массивная и устроена сложнее, так как чаша гнезда лежит на дополнительном основании, или “набросе” для гнезда. “Наброс” состоит в основном из грубых, до 2 мм в диаметре, сухих стеблей злаков и зонтичных, корешков, отчасти полусгнивших листьев и зелёного мха. Чаша гнезда устроена из более тонких стеблей и корешков травянистых растений, густо переплетённых и богато икрустированных снаружи зелёным мхом. Лоток отделан в основном хохолками семян бодяка полевого *Cirsium arvense* и перьями кряквы *Anas platyrhynchos*, в небольшом количестве в нём присутствует шерсть.

Литература

- Бардин А.В. 2000. Вторая находка горихвостки-чернушки *Phoenicurus ochruros* на гнездовании в Псковской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 126*: 20-22.
Струкова О.А. 2000. Горихвостка-чернушка *Phoenicurus ochruros* — новый гнездящийся вид Псковской области // *Рус. орнитол. журн. Экспресс-вып. 111*: 19-20.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2002, Экспресс-выпуск 185: 465-466

Шилоклювка *Recurvirostra avosetta* — новый гнездящийся вид в Калининградской области

Г.В.Гришанов, Д.Г.Гришанов,
И.Н.Лысанский, И.Ч.Нигматуллин

Кафедра экологии и зоологии, факультет биоэкологии,
Калининградский государственный университет, Калининград, 236040, Россия.
E-mail: grishanov@email.albertina.ru

Поступила в редакцию 3 июля 2002

В Красной книге Российской Федерации (животные) статус шилоклювки определен как “редкий спорадично распространенный вид на периферии ареала”. Отмечено, что этот кулик гнездится по южной окраине России, где населяет открытые острова и побережья солоноватых озер и морей в степной и пустынной зонах (Белик 2001). На южном побережье Балтийского моря шилоклювка распространена от устья Одера к западу до Дании, Голландии и Бельгии (Степанян 1990).

В прошлом для территории Восточной Пруссии были известны лишь редкие встречи единичных особей. На южном побережье Куршского залива

шилоклювку наблюдали в сентябре 1881, а у пос. Росситен (ныне Рыбачий) на Куршской косе по не совсем достоверным данным — 31 августа 1892. На Куршской косе севернее пос. Пилькапен (ныне Морское) 16 июня 1938 была обнаружена одна особь, которую 20 июня убили. Птица оказалась го-довалой самкой (Tischler 1941). За послевоенный период достоверные ре-гистрации шилоклювки на территории Калининградской обл. неизвестны.

Во второй декаде мая 2002 близ устья р. Скирвит (дельта Немана), на песчаных островах и мелководьях в Куршском заливе, регулярно наблюдали 7 шилоклювок. Там же на небольшом (около 600 м²) песчаном островке, поросшем тростником, 19 мая 2002 были обнаружены три гнезда этого ви-да среди гнёзд речной крачки *Sterna hirundo*. Все гнёзда располагались на голом песке среди редкой поросли молодого тростника и были построены из стеблей и листьев сухого тростника.

Гнездо № 1. Кладка из 5 яиц, одно из которых имело аномальные размеры. Размеры яиц, мм: 47.9×36.7, 51.1×35.2, 48.5×34.3, 49.2×35.5, 46.5×28.1 (аномальное).

Гнездо № 2. Кладка из 4 яиц. Размеры, мм: 50.3×34.8, 50.9×35.0, 49.8×36.1, 50.7×35.4.

Гнездо № 3. Кладка из 4 яиц шилоклювки, поверх которых — свежая кладка речной крачки. Размеры яиц шилоклювки, мм: 50.0×35.1, 54.1×35.3, 52.5×35.9, 52.1×36.2. Смешанную кладку из 7 яиц насиживала шилоклювка.

Проверка гнездового поселения шилоклювок 8 июня показала, что в гнезде № 1 вылупились 3 птенца, в гнезде № 2 — 4 птенца. На соседнем острове появилось ещё одно гнездо шилоклювки с кладкой из 4 яиц. Там же загнездились 18 пар речной крачки.

Появлению шилоклювки в качестве гнездящегося вида близ устья Скирвита в 2002 году, по-видимому, способствовали низкий уровень воды в заливе и близость потенциального источника колонизации. Ближайшее место регулярного гнездования шилоклювки находится в Клайпедском регионе Литвы (северная часть дельты Немана, в 12-15 км к северу от ме-ста нашей находки в Калининградской обл.), где гнездование этого вида (в разные годы от 5 до 15 пар) отмечается с 1993 года (Jusys *et al.* 1999).

Литература

- Белик В.П. 2001. Шилоклювка // *Красная книга Российской Федерации (животные)*. М.: 497-499.
- Степанян Л.С. 1990. Конспект орнитологической фауны СССР. М.: 1-728.
- Jusys V., Mačiulis M., Mečionis R., Poškus A., Gražulevičius G., Petraitis A. 1999. *The Breeding Bird Atlas of the Klaipeda Region (Lithuania)*. Vilnius: 1-268.
- Tischler F. 1941. *Die Vogel Ostpreussens und seiner Nachbargebiete*. Konigsberg; Berlin, 2: 721-1304.

Зяблик *Fringilla coelebs* поедает цветки клёна остролистного *Acer platanoides*

А.Л. Рижинашвили

Кафедра зоологии, факультет биологии Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Санкт-Петербург, 191186, Россия

Поступила в редакцию 1 июля 2002

Натуралистам давно известно, что цветки и соцветия целого ряда растений охотно поедаются птицами, в т.ч. и многими выюрковыми. Однако при изучении питания птиц цветки обычно выпадают из поля зрения орнитологов, в отличие, например, от плодов и семян. Во многом это объясняется тем, что в Палеарктике нет специализированных орнитофильных растений и птиц-опылителей, поэтому питание пыльцой и нектаром представляется чем-то экзотичным. Обычно в нашей литературе можно найти лишь указания на поедание завязей. Однако резонно предположить, что птицы, охотно потребляющие легкоусваиваемые растворы сахаров в ягодах, могут обнаружить их и в цветках медоносных растений.

У зяблика *Fringilla coelebs* отмечалось использование в пищу пыльников *Pinus*, цветков *Brassica*, *Raphanus*, *Sisimbrium*, *Draba*, *Galium*, *Polygonum*, *Taraxacum*, *Leontodon*, *Tragopogon*, *Crepis*, *Trifolium*, *Barbarea* (Дольник 1982). Что касается клёна остролистного *Acer platanoides*, то было зарегистрировано лишь поедание его семян.

4 мая 2002 в 16³⁰ на Каменном острове в Петербурге я наблюдала самца зяблика, поедавшего цветки клена. Наблюдение велись во время фотографирования. Было хорошо видно, как зяблик отрывал клювом фрагмент соцветия, наступал на него лапой и выклёвывал цветки.

Литература

Дольник Т.В. 1982. Пищевое поведение, питание и усвоение пищи зябликом //Популяционная экология зяблика / В.Р.Дольник (ред.). Л.: 18-40.

